

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

БИЛЕТ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

ОНА ЗАПЛАНИРОВАЛА ВЕЗКИХ, НО НЕДООЦЕНИВАЛА ОПАСНОСТЬ, КОТОРАЯ ГРОЗИТ ЕЙ САМОЙ...

Авантюрная мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Билет в Зазеркалье

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьев А. В.

Билет в Зазеркалье / А. В. Леонтьев — «Эксмо»,
2018 — (Авантюрная мелодрама)

Инна давно уж смирилась, что у ее мужа есть другая семья, и даже готова была согласиться на развод, тем более в ее жизни тоже появился человек, которого она полюбила. Но того, что Геннадий предпочел их сыну детей от любовницы, а Женечку вычеркнул из своей жизни, Инна простить не могла. Она готова была на все, чтобы защитить своего ребенка, но и Геннадий не собирался уступать. Теперь их связывал только бизнес, который они когда-то строили вместе. Но даже риск потерять совместное дело не мог сплотить семью. А если под угрозой окажется их сын? Инна верила, что Геннадий поможет ей защитить Женечку, но недооценивала опасность, которая грозит ей самой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонтьев А. В., 2018
© Эксмо, 2018

Антон Леонтьев

Билет в Зазеркалье

© Леонтьев А.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Когда люди уже не любят друг друга, им трудно найти повод для того, чтобы разойтись.

Франсуа де Ларошфуко

Взять в руки двустольное охотничье ружье, навести его на безоружного человека и без малейших колебаний выстрелить выпало Инне в день своего пятидесятилетия. Это был конец июня – неимоверно душный, неприятно пыльный и рекордно бездождливый.

Инна была удивлена, когда в начале года муж *сам* завел разговор о ее грядущем юбилее.

И то, что этот день по совместительству был двадцать седьмой годовщиной их свадьбы, ничего не меняло.

Ровным счетом ничего.

Она не хотела никаких торжеств – ей подобные чествования были смешны, а *кроме того...*

Кроме того, Инне было отлично известно, что у ее мужа Геннадия имеется другая семья – *не просто* любовница, как раньше, с чем она в течение многих лет мирилась, а именно, что другая семья.

Параллельная супруга и дочка. Причем на две семьи Геннадий жил уже в течение четырех лет, а не исключено, и дольше.

Впрочем, Геннадий не особо скрывал этот факт, хотя с Инной *никогда* не говорил на эту тему, а она считала ниже своего достоинства задавать ему вопросы.

Раньше, в те далекие сладостные времена, когда они безумно любили друг друга (самое важное вовсе не в том, что *безумно*, а в том, что *любили*), когда не могли прожить друг без друга ни дня, ни часа, ни мгновения, когда наслаждались эротическими играми и не могли насытиться друг другом, когда...

Когда они были на тридцать лет моложе и на энное количество миллионов в свободно конвертируемой валюте беднее.

Или даже *миллиардов*.

В общем, в *другой* жизни. Даже не в другой: в *чужой*. В жизни, которую вроде кто-то и прожил, но отнюдь не Инна с Геннадием.

Да нет же, каким таким Геннадием, с *ее* Генкой...

Ее мужем, отцом ее дочерей и сына.

Неужели она достигла того предела, когда начинаешь ворчать и, тяжело вздыхая, думать о том, что раньше все было лучше?

Но лучше или нет, даже не в этом вопрос. По крайней мере, раньше *было* – а сейчас полностью сошло на нет. Даже не сейчас. А скорее, *когда-то. Когда?*

Этим вопросом Инна задавалась в последнее время, если честно, в *последние годы*. И не находила ответа. Потому что, несмотря на то что любовь бесспорно прошла, если вообще и была (да нет же, была, конечно, *была*, да еще какая!), оставались воспоминания.

Хотя что такое воспоминания? Не более чем осколки кривого зеркала.

Еще имелись дети – две взрослые дочери и подросток-сын. Женечка – названный так в честь *ее* отца.

Да, в честь *ее* отца и своего деда по материнской линии, который к моменту рождения внука был уже мертв. Не в честь *своего* отца, Гены... *Ее* Генки – хотя Инна думала об этом. До диагноза супруг страстно желал, чтобы сын получил его имя. А потом...

Потом никогда не упоминал об этом. Так нужно ли при *таком* раскладе сыну имя своего отца? Отца, который никогда его не любил и, узнав по результатам обследования о том, что его сын *с большой долей вероятности* страдает трисомией 21, то есть синдромом Дауна, без колебаний предложил сделать Инне аборт. А когда она заявила, что ни за что не пойдет на убийство своего ребенка, примирительно погладил по руке и, допустив возможность родов, заявил, что «это» в таком случае надо будет немедленно сдать в детский дом.

«Это» оказалось их Женечкой, точнее, конечно же, *ее* Женечкой, которого Инна зачала в тридцать девять и родила в сорок. И который, наряду с журналом, *ее* литературным журналом, стал центром ее жизни.

И ее смыслом.

Интересно, их любовь с Генкой умерла именно в *этот* момент?

Нет, наверное, и раньше, или позже: разлад имел место и до рождения Женечки, а чудные мгновения в совместной жизни и после.

Но...

Ну что же, если не дети, то, быть может, *деньги*?

Денег у них было предостаточно, вернее, столько, сколько никому не требовалось. Инна даже не ведала, сколько именно – в финансовых вопросах супруг был крайне скрытен, а после того как она по собственному желанию (в самом деле *собственному*: драйв уже был далеко не тот, как в годы становления их *маленького* бизнеса, ставшего затем *большим* и под конец *огромным*) вышла из состава совета директоров холдинга и занялась обустройством своего нового проекта, крошечного издательства высоколобного литературного журнала, совершенно убыточного, но принадлежавшего исключительно ей самой, Инна совершенно не интересовалась количеством денег на счетах мужа.

А Геннадий с начала нулевых ежегодно всплывал в различного рода (официальных, полуофициальных и вовсе неофициальных) списках «самых богатых» соотечественников – на разных местах, с разными суммами совокупного состояния, однако всегда со столькими нулями, что от них рябило в глазах.

Господи, неужели они когда-то были *бедными*? И не только бедными, даже нищими...

Но с тех пор все радикально изменилось. Вместо комнатки общежития у них имелось несколько особняков, разбросанных по всему миру, сколько именно, Инна даже не знала.

И знать не хотела, так как была далеко не во всех из них: не было времени на жизнь светской львицы, полную неги, ничегонеделания и наездов то в отечественные, то зарубежные виллы, шале, палаццо, дворцы. И слава богу, у нее ведь имелся журнал.

Ее журнал – и только ее!

Да, наверное, это и удерживало их, две вращавшиеся на разных орбитах планеты, в зоне взаимного притяжения. У Геннадия был *его* холдинг – у нее был *ее* литературный журнал.

А еще у них были деньги, дети и...

И ни капельки любви.

Нет, не то чтобы они ненавидели друг друга – от любви до ненависти полшага, как, впрочем, наверное, *и наоборот*. По крайней мере, и то и другое – сильные чувства.

А у них уже давно не было друг к другу сильных чувств. И вообще *никаких* не было. Причем, как ни старалась Инна припомнить, не могла отыскать тот момент, когда эти чувства, которые были, вдруг исчезли.

И дело было не в моменте, а в долгом, незаметном (или не замечаемом) процессе. Итогом которого стало полное безразличие, чуть приправленное брезгливостью, легким раздражением и неизбежно зиждившееся на таком кошмарном фундаменте, как привычка.

Название тому процессу было очень простое: *жизнь человеческая*.

Инна понимала, что их отношения не просто перешагнули зенит, отношения изжили себя, однако они жили дальше. Геннадий, как ни странно, оказался в чем-то даже честнее Инны, если в таком случае можно вести речь о честности: активно отрывался на стороне, заводил интрижки одну за другой, менял пассий как перчатки.

Однако соблюдал декорум и никогда не поднимал вопроса о разводе – потому как зачем?

В самом деле: *зачем?*

А она... Она ведь знала, что любви, прежней любви, нет. Но были дочери, сначала маленькие, а потом *вдруг* взрослые. Был сын, которому в конце года, в западное Рождество, должно исполниться десять. Был ее солидный, толстый, респектабельный (и читаемый парой десятков тысяч интеллектуальных фанатов, в основном филологов с академическими степенями) частный литературный журнал, печатавший все то, что ни одно коммерческое издательство, по причине полной нерентабельности современной авторской российской прозы и никому не известных переводных авторов, никогда бы печатать не стало.

И это была *ее* жизнь.

А у Геннадия была *своя жизнь*. Длинноногие рыжеволосые тощие спутницы регулярно менялись, оставаясь (видимо, такие Генке нравились больше всего: ведь когда-то Инна сама *была такой!*) длинноногими, рыжеволосыми и тощими.

А потом вдруг появилась эта самая – звавшаяся, по странному стечению обстоятельств (или по шучьему, что ли, велению?), а скорее, по капризу этой самой *жизни*, обожавшей подобные прикольчики, тоже *Инной*.

Только эта Инна была не длиннонога, ни рыжеволоса и отнюдь не тонка. Невысокая, коренастая, плотная, темноволосая и большая любительница сладкого, что отлично просматривалось на ее тичиановской фигуре.

Инна, которой «доброжелатели» из числа околотиражских и квазилитературных прихлебателей донесли об этом – *гм...* – мезальянсе, была, как и все прочие, уверена в том, что Геннадий, решивший вдруг сменить арбузную корку на хрящик, быстро вернется к прежнему циклу.

Но не тут-то было.

Инна, *другая* Инна, в бытность свою референточка из юридического отдела холдинга в Москва-Сити, была, быть может, и не идеальных пропорций, однако *явно с мозгами*. И сумела пленить Геннадия не только на короткое время, как ее предшественницы. Уж неизвестно чем, хотя и относительно этого ходили крайне гнусные и даже просто мерзкие слухи о том, что дело *не только* в салатах «оливье» и селедках «под шубой», которые Инна делала виртуозно.

А Инна, *настоящая* Инна, как-никак историк по образованию, вдруг подумала, что подобный казус уже имел место в семье одного крайне богатого и чрезвычайно могущественного мужчины. Король-солнце, Людовик XIV, покоритель женских сердец и постелей прелестных аристократок, отринул в итоге их всех, взяв себе в любовницы средних лет неказистую вдову, воспитательницу детей своей последней божественной фаворитки-маркизы. И не только взял, а дал потом божественной фаворитке-маркизе полную отставку. И в итоге, после смерти своей давно и прочно забытой королевы, сочетался с бывшей гувернанткой узами пусть и тайного, но вполне реального брака, возведя ее в статус морганатической супруги самого влия-

тельного человека той эпохи и дав ей то, к чему стремились, но чего не получили нежившиеся на королевском ложе юные тонкие прелестницы.

Так неужели эта самая Инна – и есть новоявленная серая мышка-гувернантка, способная отправить в нирвану прелестную маркизу, стать супругой некогда ветреного, вдруг сделавшегося постным святошей короля, и держать его до самой его кончины в ежовых рукавицах?

Впрочем, когда Инна, *другая* Инна, забеременела (об этом опять же оперативно донесли «доброжелатели»), Инна, настоящая Инна, не придавала этому значения, хотя испытала...

Досаду? Нет, скорее *ревность*.

А потом, когда на свет появилась девочка, – злорадство, смешанное с досадой на саму себя по причине этого самого идиотского злорадства.

Еще бы, ведь она была отлично в курсе, *как* страстно желал Геннадий сына и как переживал по поводу того, что его сын был...

Был *уродом*, как он выразился однажды. Тогда Инна и закатила ему оплеуху – в первый, *но не последний* раз.

Быть может, их любовь умерла именно в тот момент? Кто знает, но какая теперь *разница*?

Любовь умерла, и воскресить ее из мертвых нельзя ни припаркой колдовских трав, ни чародейским заклинанием, ни волшебной палочкой.

Да, Геннадию был нужен сын и наследник. Как будто две взрослые дочери (теперь, собственно, *три*, хотя младшая еще ребенок) были не в счет.

А, может, в самом деле были не в счет?

Однако Геннадий твердил о том (эти разговоры на редких светских раутах и в особенности официальных приемах, которые Инна, по причине своего статуса, должна была посещать, поднимались наверняка не единожды. И однажды Инна случайно услышала), что Инна, *его* Инна, готова пойти на искусственное оплодотворение, чтобы родить точно мальчика.

А не «очередной унылый бабец».

Инна, огромным усилием воли выждав, пока приятель отойдет в сторону, подошла к супругу и, плеснув ему в лицо шампанским, произнесла:

– Если ты имеешь что-то против очередного унылого бабца, то переключайся на бойца. Господи, Геныч, кем ты стал!

А затем, лежа на кожаном сиденье бесконечно длинного лимузина, мчавшего ее за город, к их *дворцу*, вдруг подумала о том, что закономерен вопрос: а кем стала *она сама*?

Кем?

Сей нелিপеприятный разговор она подслушала на новогоднем приеме, а сам Новый год встретила отдельно от мужа (впрочем, когда они в последний раз встречали Новый год *вместе?*) на теплых островах, куда решила полететь из холодной, завьюженной, снежной Москвы.

Нет, не полететь, а *бежать*.

Она и бежала – вместе с Женечкой, который так любил море. Хорошо, что супруг хоть не чинил препятствий для поездок несовершеннолетнего сына за границу.

Попробовал бы он чинить! Впрочем, *этот урод*, как выражался муж, никогда его не занимал.

Поэтому, когда после долгой череды январских праздников Инна наконец появилась в столице (приняв решение, что покинет опостылевший подмосковный дворец, который никогда не любила и который своими ненужными размерами и кричащей роскошью больше напоминал ей резиденцию карикатурного главного злодея из пародии на фильм о Джеймсе Бонде), то была крайне удивлена, когда супруг, которого она навестила в его гигантском офисе, занимавшем практически целый этаж в макушке стеклянной стрелы в Москва-Сити, встретил ее

как ни в чем не бывало, точнее, даже весьма радушно, и первым делом завел речь о ее пятидесятилетии в конце июня.

– Думаю, нет смысла это обсуждать, так как я не намерена больше жить с тобой вместе и перебираюсь в столичную квартиру, – прервала тогда излияния супруга Инна.

А Геннадий заявил, словно все время ждал именно этой информации:

– Ну господи, Нинка, конечно же! Тебе оттуда до твоего журнала рукой подать, не надо в вечных пробках стоять. Или, может, купить новую, получше и покруче?

Нинка... Как давно он не называл ее *так...* Этим нежным именем, которым наградил ее когда-то, во время их первого знакомства, не расслышав ее имя. Это стало их персональной шуткой, позднее – семейной фенечкой.

– А как же *твоя* Инна? – осведомилась саркастически законная супруга. – Ей разве не нужна квартира получше и покруче? Или она берет *борзыми щенками*?

Геннадий поморщился, вздохнул, подошел к панорамному окну и, заложив за спину руки, ответил:

– Нинка, знаю, что сволочь, но мы же любим друг друга...

Любим? Как ни была она зла на мужа в тот момент, от его слов сердце немедленно растаяло и злость последних недель, съедавшая изнутри, испарилась без следа.

Супруг повернулся и, улыбнувшись – так же, как улыбался всегда, и от чего она раньше сходила с ума, добавил:

– Так что давай устроим настоящий праздник! Пятьдесят лет раз в жизни бывает...

– Семь, двадцать девять или сто сорок четыре, собственно, тоже, – пробормотала Инна, однако в итоге позволила себя уговорить.

Потому что наивно посчитала, что, несмотря на все невзгоды и противоречия, на все душевные раны и отрицательные эмоции, у них есть шанс...

И только позднее поняла, что шанса *изначально не было*.

Истина открылась ей не сразу, хотя Инна была обескуражена тем, что супруг, ни с того ни с сего пойдя на сближение, не предпринимал новых попыток. Точнее, предпринимал, причем даже весьма активно, но вовсе не те, которые были бы уместны.

Он подослал к ней говорливых, всезнающих, вызывавших желание выкинуть их в окно (причем желательно с *последнего* этажа небоскреба), со всеми их многочисленными причинами, ивент-мейкеров, хеппенинг-планеров и юбилей-менеджеров.

Они просто сводили Инну с ума, кроме того, отвлекали от работы в издательстве журнала, заставляя переключаться на абсолютно ненужные и попросту смехотворные вещи.

Оттенок драпировки для столов. Сорта цветов для гирлянд. Цвета фарфоровой посуды для банкета. Музыкальные пристрастия ее самой и мужа.

Супруг держал руку на пульсе, исправно звонил и даже навещал Инну в офисе издательства, тараторил о пустяках, пил с ней кофе, болтал ногами, сживая в ее кресле, был рядом, как никогда в последние годы, и в то же время невероятно далеко.

А потом от нее потребовалось подписать какие-то документы: точнее, Геннадий попросил подписать их, притащив самолично целый кейс бумаг.

Никаких референтов и тем более *референток* из юридического отдела при супруге не было.

Пролистав первые страницы, Инна, нахмурившись, сказала:

– Гм, не понимаю... Ты что, желаешь, чтобы я безвозмездно передала тебе пакет акций этого алюминиевого завода?

Муж, только что безмятежно попивавший кофе, подскочил из ее кресла как ужаленный и затараторил:

– Нинка, ну что значит – *безвозмездно*? Переверни страничку, там указано: по фиксированной цене в тысячу сто двенадцать рублей девяносто три копейки за акцию...

Инна, положив договор на полированную поверхность своего письменного стола, заявила:

– Это, Геныч, я и имею в виду под «безвозмездно». Мой пакет акций состоит из скольких именно?

Она пролистала документы, не нашла нужную цифру, нахмурилась, внимательно изучила четыре приложения и отыскала искомое число на предпоследней странице в самом низу.

Презентовав нужный параграф нахохлившемуся супругу, саркастически заметила:

– Вот сколько, не так ли? Конечно, не контрольный пакет, однако достаточный для блокировки решений. Помимо исторического у меня есть еще и экономическое образование, разве ты забыл, дорогой?

Супруг, швырнув чашку на стол, сказал:

– Ну, тогда умножь число своих акций на предлагаемую цену. Это же многие миллионы! Причем *в валюте*... Больше тебе, Нинка, все равно никто не предложит!

Вытащив смартфон, Инна отыскала нужную страницу и произнесла:

– Геныч, ты что, за дуру меня держишь? Вот, смотри – на торгах Московской фондовой акция идет по три тысячи двадцать шесть рублей...

Забрав у нее смартфон, Геннадий заявил:

– Но ты как экономист понимаешь – по такой цене ты свой пакет не продашь! Выбросишь слишком много, цена тотчас пойдет вниз. А постепенно продавать муторно и опасно, никто ведь не гарантирует, что цена не упадет...

Забирая у мужа смартфон, Инна парировала:

– Или не пойдет вверх. Почему ты исходишь из худшего? Ты ведь всегда был оптимистом, Геныч...

Она наугад вытащила из стопки договоров еще один, пробежала первую страницу глазами и ахнула:

– Ну да, конечно! Передаю принадлежащий мне подмосковный особняк какому-то сомнительному трасту, наверняка подконтрольному тебе.

– *Продаешь*, а не передаешь! – закричал муж. – Ты что, слепая и к тому же *тупая*?

Швырнув договор на стол, Инна холодно заметила:

– Нет, Геныч, не тупая. Но ты, кажется, считаешь меня полной дурой, подсовывая более чем сомнительные договорчики.

Муж сгреб охапку документов, желая запихнуть их в кейс из кожи анаконды, что, разумеется, не вышло, а Инна, подняв один из упавших на ковер листов, заявила:

– Не торопись. Оставь мне бумаги, я все внимательно изучу, привлеку своего юриста. Мы предложим новые формулировки...

Муж вылетел от нее в бешенстве, не забыв, однако, прихватить все принесенные им документы, ни один из которых Инна так, конечно же, и не подписала.

Инна была уверена, что после этой неуклюжей попытки заставить ее подмахнуть бумаги, лишавшие ее большей части того, чем она обладала по праву, супруг и думать забудет об ее юбилее, однако каково же было ее удивление, когда очередная команда вертлявых бородатых юношей в приталенных костюмах и суровых очкастых девиц на высоченных каблуках, желавших обсудить какие-то совершенно комичные аспекты *все еще* готовившегося грандиозного праздника, заявила к ней в издательство журнала буквально на следующий день.

– Ведь ничего не будет? – спросила супруга Инна, позвонив ему, отлично зная, что в течение дня звонки на личный мобильный были строго запрещены. Однако Геннадий практически мгновенно взял трубку. – Отмени заказ, мне эти пионеры в итальянских костюмах больше не требуются.

Супруг, *опять* как ни в чем не бывало, произнес, причем, кажется, на полном серьезе:
– Нинка, с чего ты взяла, что не будет? Конечно же, будет! Я для своей Нинки ничего не пожалею.

На этот раз сердце, подобно стеариновой свече, таять не стало, а на языке у Инны вертелся вопрос, который она так и не задала: «Даже тысячу сто двенадцать рублей девяносто три копейки за акцию, которая стоит больше трех тысяч?»

Хотя, вероятно, следовало бы спросить – *хотя бы* для того, чтобы получить возможность услышать ответ супруга.

Если бы он *вообще* дал ответ.

– Неприятности, Инна Евгеньевна? – спросила, заглядывая в кабинет директора издательства журнала «Всякая литературная всячина» (реверанс в сторону Екатерины Великой, чей частный, издававшийся крошечным тиражом и предназначавшийся только для избранного круга лиц, журнал именовался «Всякая всячина». Впрочем, для читателей «Всякой *литературной* всячины» пояснение явно избыточное) маленькая, с короткими седыми волосами, дама во всем черном – Людмила Львовна, правая рука Инны. – *Зеленого чаю?*

Зеленый чай был своего рода кодовой фразой и одновременно спасательным кругом – если во время заседания дверь открывалась и появлялась Людмила Львовна, вопрошавшая, не подать ли зеленого чая, и Инна просила подать, то это означало, что надо придумать предлог, дабы заседание как можно быстрее завершилось, а гость покинул кабинет. Если же зеленый час не требовался, то это было сигналом, что все в порядке.

Смешно было, когда гость благодарил заботливую помощницу и, не понимая подтекста, просил подать себе зеленого чая, не ведая, что тем самым намекает на свое собственное исторжение из стен издательства журнала «Всякая литературная всячина».

Впрочем, для подобных случаев у Людмилы Львовны имелись обширные запасы различных, и в самом деле вкусных, сортов *зеленого чая*.

Инна, усмехнувшись, потеряла виски и заметила:

– Не плохо бы, да. Но наш гость удалился по собственному почину.

Людмила Львовна наклонилась и подала Инне с ковра завалившийся за ножку стола документ, не замеченный и, соответственно, не прихваченный накануне Геннадием, и произнесла:

– Ну, значит сделаю! А то на вас лица нет...

Инна, схватив документ, поблагодарила помощницу, а когда та вышла, стала внимательно изучать договор, который, по разумению драгоценного супруга, она должна была подписать.

Интересно, что он намеревался экспроприировать у нее *на этот раз?*

Оказалось – сущую мелочь. *Ее* крошечное издательство. *Ее* собственного, пусть и абсолютно нерентабельного, литературного журнала. Точнее, не само литературное издательство, которое ему наверняка и даром не нужно, потому как оно не то что не приносит прибыли, а служит источником больших расходов, а здание в центре Москвы, в котором издательство располагается, а также землю, на которой здание стоит.

Значит, вот как любил ее Геныч. *Ее* Геныч. Нет, уже больше *не ее...*

Прожаживаясь по пустой просторной квартире, в которую переехала вместе с Женечкой после возвращения из новогоднего отпуска, Инна пыталась понять, *с какой целью* Геннадий все это делает.

Впрочем, ответ был очевиден: чтобы оставить ее если не без гроша, так, во всяком случае, с крошками от торта. Ее и своего сына. А также двух взрослых дочерей.

Свадебного торта?

Чтобы выяснить все наверняка, пришлось прибегнуть к средствам, которые Инна глубоко презирала. Сначала обзвонила парочку «доброжелателей», точнее, наиболее информированных из этой когорты, и получила подтверждение того, что уже и так предполагала.

Инна, *другая* Инна, была снова беременна. Судя по всему, в самом деле имела место процедура искусственного оплодотворения, причем где-то за границей. Где находилась другая Инна, никто толком не знал, кажется, не в России.

Но *почему*?

Потом по иным каналам Инна узнала: у Геннадия *неприятности*. Кто-то из его недругов, коих у мужа было предостаточно, заручившись поддержкой кого-то весьма могущественного, возжелал прибрать к рукам часть его империи, а если получится, даже всю.

Ага, *вот* оно что...

Инна припомнила странные предложения от пары невесть откуда вынырнувших среднеазиатских бизнесменов, которые она отвергла – бизнесмены склоняли ее к сомнительным сделкам, суля золотые горы. А на самом деле через нее хотели получить доступ к части активов холдинга, которые принадлежали Инне, посредством чего они бы смогли добраться и до активов Геннадия.

Ну что же...

Инна решила, что самое разумное в данной ситуации *ничего не предпринимать*. Если мужу надо, пусть и дергается на крючке. Потому что на крючке именно он, а не она.

Наступила весна, и вдруг в издательство «Всякой литературной всячины» зачастили одна за другой проверки от всевозможных инспекций. А затем, прислав странное послание по электронной почте, с бухты-барахты уволилась главный бухгалтер. Инна попыталась поговорить с ней, но женщина не выходила на связь: телефон был отключен.

Инна съездила в Кунцево, где обитала главбух, однако дверь в квартиру никто не открывал.

Так ничего и не добившись, Инна вышла из темного подъезда на улицу и заметила выходявшего из крутого автомобиля супруга. Заметив Инну, Геннадий смутился и даже попытался нырнуть обратно в салон.

Быстрым шагом приблизившись к мужу, Инна удержала дверь и требовательно спросила:

– Где Мила Иосифовна?

– Какая такая Мила Иосифовна? – изобразил удивление муж.

– Тебе отлично известно *какая*. Что ты с ней сделал? Похитил? Ты где ее удерживаешь?

Геннадий, все же соизволив выйти из салона, сказал, испуганно озираясь:

– По-твоему, я бы приехал сюда, если бы ее похитители по моему приказанию? И если бы я знал, где ее удерживают?

И хотя Инна понимала, что супруг прав, допрос не прекратила:

– Но тогда что ты тут делаешь? Только не говори, что ты, обитатель дворца на Рублевке, решил просто так поколесить по Кунцево и *совершенно случайно* остановился перед многоэтажкой, где живет мой главбух.

Геннадий, снова осмотревшись, произнес, толкая дверцу автомобиля:

– Садись...

Инна поколебалась, а супруг не на шутку обиделся:

– Ты что, боишься, что если я не твою бухгалтершу, так *тебя* похищу? Ну ты даешь, Нинка!

Инна села в машину, а муж, самолично сидевший за рулем, завел мотор.

– Покрутимся тут, а то если будем стоять, внимание привлечем.

Они медленно покатались по кварталу новостроек, а Инна, глядя на напряженное лицо супруга, произнесла:

– И как мы с тобой до такого дошли, Геныч?

– Что? – Геннадий вздрогнул, плавно затормозив, потому что по капоту автомобиля ударился, отпружинив, большой красно-зеленый, похожий на арбуз, мяч.

Стояла вторая половина мая, наконец-то распогодилось.

Во дворе одной из многоэтажек, застыв с испуганным выражением лица, стояла конопатая девчушка, явно боясь приблизиться к автомобилю и забрать укатившийся куда-то под колеса мяч.

– Ты хочешь ребенка задавить? – спросила участливо Инна у мужа. – За то, что малышка своим мячиком случайно попала в одну из твоих ста двадцати машинок?

Геннадий, распахнув дверцу, на редкость любезным тоном просюсюкал, обращаясь к оторопевшей девочке:

– Ну, возьми мячик... Все в порядке.

Но девочка не двигалась с места, на что Инна не без сарказма заметила:

– Не верит тебе, Геныч, ребенок. И *не он один* не верит...

Выйдя из салона, Инна обогнула автомобиль, подхватила мячик и кинула его девочке.

– Лови!

Девочка, задорно рассмеявшись, подхватила мячик.

– Спасибо! – донеслось до Инны, когда она вернулась обратно в салон.

Муж, хмыкнув, заявил:

– Ну, прямо мать Тереза и принцесса Диана и одном флаконе, Нинка!

– Что, завидуешь? – спросила она, а Геннадий, порулив дальше, опять резко затормозил, потому что на дорогу выбежал какой-то карапуз.

– Что они детей своих чертовых распустили! – взвился муж.

– А своего, если родится, тоже будешь считать «чертовым»? – спокойно спросила Инна.

Геннадий, явно не ожидая такого вопроса, резко нажал на тормоза. Машина снова замерла, и Инне стало понятно – да, значит, *так* оно и есть. Если Инна, другая Инна, беременна, да еще посредством искусственного оплодотворения, то, значит, Геныч решил действовать *наверняка*.

И желает получить *сына*.

Помолчав, муж взглянул на нее и процедил:

– Своего – не буду. Но это же *не мой*!

Инна не нашлась, что ответить, а потом тихо добавила:

– Но у тебя-то, вообще, есть сын...

Она подумала о Женечке, который ходил в частную школу для «особых» детей – и где был в классе лучшим учеником.

Однако это было не то, что требовалось Геннадию.

Совсем не то.

– Нинка, не начинай! – заявил супруг, опять трогаясь с места. – Давай не будем об этом...

Ну что же, милый, давай. Но тогда *о чем?* Да хотя бы о...

– Так что ты здесь делаешь? – снова спросила Инна. – Один из самых богатых людей страны – и в Кунцево!

Геннадий опасливо покосился на нее и вдруг произнес:

– Ты должна мне помочь, Нинка. У меня... *неприятности*...

– А я слышала – сын скоро родится! – ответила она. – Тебе, право, не угодишь...

Супруг, вырвав на большую улицу, заявил:

– Ладно, давай об этом не будем. Мы ведь уже давно стали чужими друг другу...

Он прав – *стали*. Но ведь когда-то все было иначе!

– У тебя – твоя жизнь, у меня – своя. Так что пытаться склеить то, что давно разбилось на мелкие кусочки, – нет смысла.

Он прав – разбилось. Только вот *кто* уронил то, что разбилось? Она сама? Геныч? Или... Да и что разбилось – счастье, любовь, семейная жизнь?

Или...

Они какое-то время молчали, колеся по улицам. Наконец Инна сказала:

– Ну что же, колись! В чем дело? Какие такие неприятности у всемогущего и всеильного Геннадия Фарафонова? И какое имею к этому отношение я и мое крошечное неприбыльное издательство нишевого литературного журнала?

Муж вздохнул.

– Не иронизируй. Кое-кто желает прибрать к рукам то, что принадлежит мне. Ну, тут же масса падальщиков, которые зарятся на чужое...

Например, и сам Геныч зарится на то, что принадлежит *ей*...

– И они с некоторых пор подбираются ко мне с разных концов. И один из этих подходов – это ты, Нинка.

– Да что ты? – произнесла иронично Инна, чувствуя, тем не менее, что ее начинает знобить. Потому что Геннадий был не из тех людей, которые паникуют понапрасну. Она подумала о том, что хорошо, что обе дочери сейчас не в Москве: старшая жила и работала в Сан-Франциско, младшая училась в Барселоне.

– Говорю же, Нинка, не иронизируй! Положение более чем серьезное. Да, каюсь, пытался тебя обвести вокруг пальца с этими договорами, но не для того, чтобы забрать у тебя то, что тебе и так причитается...

– Гм, Геныч, какой ты, надо сказать, щедрый...

– А для того, чтобы вывести тебя из-под удара! И можешь не улыбаться! Потому что тем, кто зарится на мой холдинг, гораздо проще идти не направо, пытаясь подмять под себя меня, что им пока не по зубам, а расправившись с тобой, Нинка. Потому что холдинг строили мы с тобой, ты являешься совладелицей многих пакетов акций, объектов недвижимости и даже предметов искусств.

– Да, как я о предметах искусства забыть-то могла! – посетовала Инна. – Это ты имеешь в виду пластиковую розовую елку, которую ты мне тогда с первых шальных денег купил?

Она пыталась шутить, однако чувствовала, что зуб на зуб не попадал. От слов мужа, а в особенности от его тона, Инне сделалось страшно.

Очень страшно.

– Если им заграбастать то, что у тебя есть, а это, поверь, не так сложно, то, получив доступ к управленческим структурам подконтрольных моему холдингу фирм, они попытаются сменить хозяина, то есть выставить за дверь не только тебя, *но и меня*.

Геннадий тяжело вздохнул.

– Поэтому-то я и пытался изъять у тебя твои активы, но не чтобы тебя «кинуть», а чтобы, переведя их в особый зарегистрированный в офшорах траст, сделать недоступными для этих бандитов.

– Какой ты, право, *добрый*, Геныч! – заявила Инна, однако на этот раз без ерничества и очень тихо. Подумав, она добавила: – Только мог бы сразу мне правду поведать. А то выглядело все как неуклюжая попытка оставить меня с носом.

– Поверь, – явно обидевшись, проговорил муж, – если бы хотел оставить тебя с носом, то сделал бы это иначе, гораздо более элегантно, а не такими топорными методами.

Что правда, то правда...

– А к этим приемчикам решил прибегнуть, чтобы ты, узнай правду, не наделала глупостей и не впала в панику. Это в данной критической ситуации хуже всего.

Инна, хмыкнув, заметила:

– Это я-то впадаю в панику?

И замолчала, чтобы переварить сказанное мужем и задать один-единственный интересовавший ее в данный момент вопрос:

– Так с кем имеем дело?

Геннадий, в очередной раз вздохнув, наконец-то раскололся:

– Братья Шуберт. Ну те, которые прибрали не так давно к рукам телевизионный канал и парочку скважин...

Он назвал имена пострадавших от действий братьев Шуберт бизнесменов.

Инна задумалась. После того как она отошла от активного управления холдингом и сосредоточилась на своей «Всякой литературной всячине», она перестала следить за событиями в жизни деловой Москвы. Однако об этих братьях все же была наслышана – и, судя по всему, это на самом деле были жесткие, целеустремленные и привыкшие получать то, чего желают, люди.

Геннадий тем временем закончил перечислять список жертв братьев – список действительно был впечатляющий.

– И не забывай, ведь их сват, а также какой-то кузен работают в силовых структурах, а, имея такую «крышу», неудивительно, что они осмелели. Средней Азии, где они накопили первые миллиарды, им стало маловато. *Вот и подались* к нам...

Геннадий снова тяжело вздохнул, Инне даже стало его жаль. Испытывая внезапный прилив нежности, она погладила мужа на голове. И с удивлением отметила:

– А у тебя седина пробивается...

Хотя чему тут удивляться: Геннадию в следующем году должно исполниться пятьдесят.

– С этими братцами и не только поседеешь. Если вообще *успеешь*... – заявил муж.

– Они опасны? – спросила Инна.

Геннадий, помолчав, кивнул, а потом произнес:

– Про них многое говорят. Понимаешь, *многое*. В основном о том, что имело место, когда они жили в Средней Азии, но и кое-что после их переселения в Москву. То пропавший без вести конкурент, то похищенный банкир, у которого они взяли кредит, а потом не захотели возвращать. То ретивая журналистка, чей труп нашли в лесополосе – вроде деяния сексуального маньяка, но кто на самом деле знает. То взлетевший на воздух джип провинциального следователя, который сунул нос в дела, которые его не касаются...

Инна взъерошила короткие волосы мужа, а он добавил:

– Но, повторяюсь, это все слухи. Никаких доказательств, разумеется, нет и быть не может. Против них, насколько мне известно, не было возбуждено ни единого уголовного дела.

– Лихие ребята, – согласилась Инна, убрав руку с затылка мужа, все-таки он отчасти тоже виноват в том, что у него неприятности. Быть может, причина седины не попытка этих самых братьев заполучить филейные куски его холдинга, а весь этот ненужный стресс со второй семьей, новой спутницей жизни и внебрачными детьми?

Набрав с поисковике «братья Шуберт», Инна увидела изображения двух как две капли воды похожих, сутулых, анемичных, «истинно арийского» вида мужчин с необычайно большими и крайне неприятного водянистого цвета глазами навывкате – одного помладше, с дирижерской проплешиной и венчиком рыжеватых волос, звавшегося Генрихом, и другого, постарше, с нелепыми длинными, а-ля саксонская принцесса, кудрями, именовавшегося Адольфом.

– Да, они очень опасны! *Очень*, Нинка! – произнес, забирая у нее смартфон, Геннадий. – И поверь, если я говорю, значит, есть тому основания.

Она поверила. И поняла – опасны братья Шуберт не только для Геннадия и его новой семьи, но и для его семьи *старой*. То есть для нее самой. Для Женечки. Для двух дочек, живущих хоть и далеко отсюда, но в любой момент могущих попасть, причем не по своей воле, в поле зрения этих самых Адольфа и Генриха.

– Господи, им ведь и шестидесяти нет, значит, *точно* после войны родились, даже старший? – спросила Инна. – И родители *все равно* назвали своего первенца Адольфом? Жуть, да и только!

– Говорят, – усмехнулся муж, – это у них фамильное имя, и старшего мальчика уже лет пятьсот *из поколения в поколение* называют Адольфом. Они же потомки российских немцев, родились и выросли где-то в Казахстане, там после перестройки знатно раскрутились, на историческую германскую родину отъехать не пожелали, предпочтя, поураганив в Средней Азии, лет пять-шесть назад перебраться в Москву. Где тоже, как видишь, продолжают *ураганивать*...

Что взять с человека, если у него фамилия куртуазного немецкого композитора эпохи «бури и натиска», а имя самого поганого и кровавого диктатора всех времен и народов, *намеренно* данное ему родителями?

– Думаешь, они проявят активность? – произнесла осторожно Инна.

– Нинка, они *уже* проявляют, – с печальной усмешкой ответил супруг. – Твоя бухгалтерша – она что, думаешь, просто так спонтанно уволилась и куда-то делась?

Инна перевела взгляд с дисплея мобильного на мужа.

– Думаешь, они ее похитили, Геныч? Но зачем? Что такого Мила Иосифовна может им сообщить? Что у «Всякой литературной всячины» отрицательный баланс? Оно им даром не нужно – да и даром они его не получают, им придется вкладывать в него кучу денег, не получая прибыли...

– Оно им не нужно, конечно, но ведь у тебя имеются объекты позанимательнее, – ответил супруг, и Инна медленно кивнула. Что же, все сходится. Мила Иосифовна ничего ценного сообщить этим братьям не могла, но им и не требовалось что-то у нее выпытывать: они хотели припугнуть вовсе не главбуха, а ее саму.

Потому что если могли похитить Милу Иосифовну, то смогут похитить и...

Инна испытала жгучее желание отправиться в школу, где учился Женечка.

– И вообще, кто тебе сказал, что твое издательство должно по-прежнему специализироваться на печатании все этой элитарной высокоумной литературы? Что, если будет штамповать развлекательные романчики? Или учебники? Или порножурналы. *Шучу, шучу*. В конце концов, и то и другое, и третье, и четвертое. Глядишь, и *прибыль приносить станет*...

Поежившись, Инна отрезала:

– Нет, без боя я им мою «Всякую литературную всячину» не отдам. И с боем, надо отметить, *тоже*.

Геннадий, опять вздохнув, ответил:

– Думаешь, ты сумеешь их напугать? То-то и оно, Нинка, не сможешь! Именно поэтому я и придумал гениальную комбинацию!

О своем плане Геннадий поведал ей в сомнительного вида харчевне, которую они отыскали среди супермаркетов, однако в этой харчевне на удивление хорошо кормили.

Похрустывая жареной картошкой, муж сказал:

– Они начали наступление, причем их целью являешься ты, Нинка. Вернее, твои активы. А завладев ими, например пакетами акций, Шуберты станут совладельцами фирм и предприятий моего холдинга. И, просунув в дверь носок ботинка, в итоге вышибут ее полностью, завладеют всем, что мне принадлежит.

– *Нам*, Геныч, не забывай, нам. И *нашим* детям, – поправила его, попивая томатный сок, Инна.

Впрочем, у супруга были дети и *не наши*.

– Ладно, Нинка, не заводишь! Думаешь, если мы не живем вместе, то ты мне безразлична?

Инна не стала давать ответа на сей щекотливый вопрос. Но, если поразмыслить, то, наверное, да, *думала*.

– Вижу по выражению твоего лица, что да! *Ну и зря*. Ты мне дорога...

– Но активы холдинга, принадлежащие мне, еще дороже, не так ли? – усмехнулась Инна, замолкая, потому что появилась официантка, поставившая перед ней заказанный огуречный салат.

Геннадий, похвалив жареную картошку с домашними котлетами, парировал:

– Ну, не без этого, Нинка. Потому что дети могут быть у тебя, могут быть у меня, а холдинг – это наше *совместное* детище!

Инна не стала говорить, что дочки и сын Женечка, вообще-то, *тоже* их совместные детища.

– И, спасая тебя, я спасаю в итоге самого себя. Ну, и то, что планирую передать своим детям...

Интересно, о *каких именно* своих детях Геннадий вел речь? Детей у него было так много, что легко запутаться.

– И что это за идея с трастом в офшорах? – спросила Инна.

И Геннадий, дождавшись, пока уйдет официантка, принеся ему кофе и солидный кусок «Наполеона», ответил:

– Все хоть и сложно, но на самом деле очень даже просто. Все активы переходят в траст. Траст официально зарегистрирован там, где платить налоги не надо, так что ничего не теряем. Да, на бумаге им будет распоряжаться кто-то другой, но этого зиц-председателя для того и нанимают, чтобы он минимизировал для нас риски. Шуберты потом все, что угодно, делать могут – до активов им уже не добраться. А тем временем я задействую свои связи и сделаю так, чтобы они от нас отстали. Когда все завершится, активы переводятся обратно – *причем с процентами!*

Инна, поблагодарив официантку, принесящую кофе и ей (правда, без сладостей), прищурившись, посмотрела на мужа.

– Мне нужны детали. Своего рода бизнес-план. Потому что пока не буду точно знать, что, где и как, ни на что не пойду.

Геннадий усмехнулся, вынимая из прихваченной из автомобиля папки несколько листов в непрозрачной обложке.

– Ну, я ведь *тоже* не пойду, Нинка! Поэтому вот бери, на досуге считаешь, поразмыслишь, примешь решение. Но учти, особо долго размышлять нет времени – братцы-то уже напропалую действуют...

Инна, даже не заглядывая в бизнес-план, положила папку на свободный стул и произнесла:

– Ну, это мы уладим, не сомневаюсь. А скажи, твоя Инна снова беременна?

Геннадий, явно не ожидавший от нее подобного вопроса, дернулся.

– Нинка, ты чего...

– Понимаю, Геныч, это не тот вопрос, который жена обычно задает своему мужу, но мне все же любопытно...

Супруг стусевался, и Инна, испытывая непреодолимое желание затянуться сигаретой (хотя бросила уже давным-давно), и без слов поняла – да, беременна. «Доброжелатели» не подвели.

– И кто будет? – продолжила она, протянув руку с ложечкой к тарелке мужа, на которой лежала добрая половина «Наполеона». – Девочка? Или...

Она, не спрашивая разрешения, отломала приличный кусок и продолжила:

– Или *мальчик?*

Геннадию повезло – ожил его мобильный, и он, подскочив из-за стола, выбежал на крыльцо харчевни.

Инна, подцепив ложечкой небольшой кусочек от похищенного у супруга ломтя «Наполеона», отправила его в рот и запила обжигающим черным кофе.

– Счет, пожалуйста! – произнесла она, обращаясь к сновавшей среди заполненных столов официантке. – У вас и правда отлично кормят!

Когда супруг вернулся обратно к столу, Инна, держа в руке непрозрачную папку с бизнес-планом, поднялась.

– Мне пора. Прочитаю, размыслию и дам тебе знать...

– Надо по счету заплатить... – засуетился муж.

– Я уже заплатила, – ответила Инна. – Ты приглашен. По случаю счастливого события в *твоей*, Геныч, личной жизни...

И, послав супругу воздушный поцелуй, направилась к выходу.

Подъезжая к дому, Инна поймала себя на том, что то и дело посматривала на непрозрачную папку с бизнес-планом, покоившуюся на соседнем сиденье.

Бизнес-планом *по выводу активов*.

Она не намеревалась принимать скоропалительных решений, ротову что со всеми можно договориться. Ну, или почти со всеми.

Интересно, а братья Шуберт относились к *какой* категории?

В уме Инна перебирала знакомых во властных структурах, к которым можно обратиться за помощью. Но с тех пор как она ушла из большого бизнеса и посвятила себя своему новому проекту, не приносящему ни гроша прибыли, Инна растеряла прежние связи, да и за последние годы многие из влиятельных знакомых сменили свои должности.

И все же к тому моменту, как Инна припарковала автомобиль в подземном гараже и на лифте вознеслась на один из последних этажей, план действий она наметила.

Огромная квартира, находившаяся в элитном жилом комплексе с видом на Москву-реку, не нравилась ей почти так же, как загородный дворец мужа, однако являлась вложением капитала, а ни времени, ни в особенности желания заняться поисками иной подходящей жилплощади у Инны не было. Въехав в эту квартиру вместе с Женечкой, Инна представляла, что живет в отеле – и что рано или поздно съедет.

Пройдя в просторный холл, Инна прислушалась, но громкого голоса сына не услышала. Вообще-то, его должны были привезти на микроавтобусе из школы, однако не исключено, что у них сегодня какие-то вечерние курсы.

Не хватало еще, чтобы она забыла о том, что должна присутствовать на театральной постановке или школьном празднике. Инна быстро вынула мобильный, проверила календарь – нет, там ничего такого не значилось...

– Женечка? – позвала она, и ее голос беспрепятственно разнесся по скудно обставленной квартире. Так как долго здесь задерживаться с сыном она не намеревалась, Инна решила отказаться от покупки нравившейся ей мебели и ремонта.

Раздались шаги, и из гостиной вышла молодая особа в рваных джинсах и с массивным кольцом в носу. Эта была Олеся, педагог-воспитатель, своего рода няня и гувернантка Женечки, которая после возвращения мальчика из школы проводила с ним время, делала уроки и дожидалась возвращения Инны с работы. Женечка был в диком восторге от Олеси, да и Инна, вначале скептически относившаяся к ней, быстро поняла, что девица положительно влияет на развитие сына, относится к нему с нежностью, как к младшему брату, и в форме игры занимается то английским, то географией, то математикой.

И этого юного гения супруг намеревался сдать в *детский дом*? И на полном серьезе предлагал ей сделать *аборт*?

Да, намеревался. И предлагал.

– Здравсьте, Инна Евгеньевна, – произнесла, не отрывая глаз от дисплея мобильного, Олеся. – А Женечка где, в кафе, что ли, остался?

Положив на стоявший в холле столик с зеркальным покрытием папку с бизнес-планом, Инна безо всякой задней мысли спросила:

– В *каком* кафе? Он что, разве не дома?

И только тут ее сердце екнуло.

Олеся, наконец взглянув на нее, произнесла в недоумении:

– Ну, вы же мне написали, что сами забрали Женечку из школы и что мне сегодня его не ждать. И что вы поехали в кафе-мороженое, ну, то, которое ему так понравилось и где подают...

Шагнув к няне, Инна непререкаемым тоном прервала ее излияния:

– Я отлично знаю, что там подают и что нравится Женечке. Мы никуда не ездили, и вам я, конечно же, ничего не писала.

Девушка, на глазах бледнея, тряхнула массивным кольцом в носу и жалобно проблеяла:

– Но как же так?.. Вот, смотрите...

Инна буквально вырвала у нее мобильный телефон и убедилась – так и есть, в 13:57, то есть примерно *в то же* время, когда она обедала с мужем в харчевне, кто-то прислал Олеся сообщение: «Добрый день, Олеся! Я забираю Женечку сама, мы едем в кафе-мороженое. Вернемся после пяти».

Да, если бы она писала Олеся, то написала бы *именно так*, но весь ужас заключался в том, что она ничего подобного, конечно же, не писала.

Но телефон показывал – сообщение пришло по чату именно с ее мобильного. Так и есть, это была переписка Олеся с ней, значившейся в «Контактах» девушки как «И.Е.».

Бросившись в холл, Инна схватила сумочку, раскрыла ее и обнаружила, что мобильного там нет.

Но как же так? У нее что, *украли* телефон?

Инна лихорадочно соображала, когда в последний раз видела телефон и пользовалась им.

А затем, машинально опустив руку в карман плаща, обнаружила мобильник именно там, с правой стороны. Ну да, она ведь только что проверяла календарь, желая узнать, не пропустила ли какой-либо школьный праздник сына, по инерции положила телефон в карман – и тотчас забыла.

У нее что, наступает *старческое слабоумие*?

– Вы ведь сами мне написали, что... – продолжала бормотать Олеся.

– Ничего я вам не писала! – отчеканила Инна. – Смотрите же...

Из-за неловкого взмаха рукой телефон вылетел у нее из рук и, сделав по воздуху дугу, приземлился на дубовый паркет. Инна, чувствуя, что по щекам вдруг струятся горячие слезы, бросилась за ним, ударилась локтем об угол столика и, чувствуя резкую боль в руке, опустилась на пол.

Подоспевшая Олеся дрожащей рукой протянула ей мобильный. Инна, не в состоянии сама разблокировать телефон, попыталась вспомнить четыре цифры пин-кода.

Господи, какие же они были?

И поняла, что не помнит. Олеся, суетясь, пыталась подсунуть ей то бумажную салфетку, то стакан воды. Инна, превозмогая все еще не унявшуюся боль, поднялась, прошла в гостиную и, опустившись на диван, попросила:

– Олеся, присядьте...

Девушка поступила, как ей и было сказано, а Инна, не говоря ни слова, отправилась в ванную.

Из зеркала на нее смотрела напуганная, заплаканная, растрепанная женщина средних лет, с волнистыми рыжими волосами, в крайне дорогом и консервативном деловом костюме.

А сердце этой женщины билось, как паровой двигатель идущего на дно океана «Титаника».

Дав себе несколько пощечин, Инна раскрыла кран и зачерпнула ледяную воду.

Ей было страшно, больно, муторно. Но каково было сейчас Женечке, оказавшемуся в руках...

В чьих руках?

Ненавистная фамилия вспыхнула в мозгу, как будто кто-то воткнул в призрачную сеть невидимый штепсель.

Братья Шуберт.

Приведя себя в порядок, Инна даже чуть подвела губы – и снова ощутила, что по щекам текут слезы. Снова надавав себе пощечин, она наконец успокоилась, а затем, высморкавшись, вернулась в гостиную, где ее безропотно ждала бледная испуганная Олеся.

– Инна Евгеньевна, но как же так? – пролепетала она. – Ничего не понимаю, ведь сообщение пришло от вас...

Четыре цифры пин-кода быстро пришли на ум, и Инна разблокировала мобильный. Она боялась, что сходит с ума, что, раскрыв свою переписку с Олесей, вдруг обнаружит, что в 13:57 отправила ей сообщение, которое...

Которое ей не отправляла!

Однако никакого сообщения в ее телефоне *не было* – последний раз она писала Олесе вчера утром, когда просила купить Женечке его любимые овсяные печенья.

– Но у меня же *есть!* – заявила шокированно девушка, а Инна, изучая переписку, проговорила:

– Значит, или его, отправив с моего мобильного без моего ведома, удалили. Кстати, не в курсе, можно ли восстановить удаленное?

Олеся развела руками, однако Инна и не ждала от нее ответа, потому что вопрос был риторическим.

– Или сообщение было отправлено с моего номера, но не с *моего* телефона! К кому же можно обратиться, чтобы проверить?

– Мой двоюродный брат классный компьютерщик... – начала Олеся.

Однако Инна ее не слушала, она поднялась на ноги и нервно мерила комнату шагами.

То, как прислали сообщение, в данный момент было второстепенно. Единственное, что имело значение, это *где Женечка?*

Нет, и не это тоже. *Как у него дела?*

Ни на один из этих вопросов Олеся ответить, конечно же, не могла. Девушка, до этого говорившая без умолку, вдруг посередине фразы разрыдалась, и Инна была вынуждена принести ей с кухни воды.

Она поймала себя на мысли, что присутствие Олеси ей неприятно, как будто та виновата в исчезновении Женечки.

Приказав себе отбросить эти идиотские мысли, Инна опустилась на диван рядом с няней и подала ей стакан:

– Выпейте. И успокойтесь.

Олеся же, подняв на нее заплаканные глаза, прошептала:

– Но как же так, Инна Евгеньевна? Как же так...

Меньше всего Инна хотела говорить о вещах, о которых не имела представления – во всяком случае *пока что*.

Ее занимала одна мысль: *кому звонить?* Кажется, у Ларисы какой-то родственник работал в министерстве юстиции на высокой должности. А не был ли бывший супруг Вероники шишкой в Генеральной прокуратуре?

И что, собственно, с супругом – тем самым, для которого Женечка всего лишь «этот урод».

Сможет ли Геннадий помочь? *Захочет ли?*

Тут телефон издал мелодичную трель, и Инна, подскочив, увидела, что ей звонит некто, чей номер не определился.

Чувствуя, что у нее пересохло во рту, Инна подняла взгляд на Олесю, которая, видимо, все моментально поняв, из мертвенно-бледной стала светло-зеленой.

Инна поднялась, держа в руках мобильный, подумала, как бы не выронить его вновь.

Звонок все шел, а она медлила. Словно боялась услышать *ужасную* вест...

– Инна Евгеньевна, телефон... – произнесла еле слышно Олеся.

Инна шагнула в холл, который показался ей коридором в ад и, наконец приняла звонок.

– Инна Евгеньевна! *Милая моя!* – услышала она истеричный женский голос, который, как тотчас сообразила, был ей знаком. – Вы меня слышите?

Собеседница вопила в трубку, и Инна, чувствуя, что у нее закладывает в ухе, отодвинула аппарат от себя и сухо произнесла:

– Извините, но я сейчас занята. Я вам сама перезвоню...

Она уже намеревалась завершить звонок, как вдруг до нее дошло, кому принадлежит этот истеричный голос.

Миле Иосифовне, пропавшему главному бухгалтеру «Всякой литературной всячины».

– Инна Евгеньевна, родная моя! Не вешайте трубку! Это же я!

Инна не знала, что и сказать, поэтому скупно проронила:

– Да, я поняла, Мила Иосифовна. Вы где?

– Не знаю, милая моя! Меня похитили! Когда я из подъезда сегодня утром выходила. Держат где-то в темном месте. Молчаливые блондины какие-то, в черном, зловещего вида...

Братя Шуберт. Инна сжала мобильный так, что ощутила боль в костяшках пальцев.

– Инна Евгеньевна, милая моя! Дело в том, что я тут не одна. Тут еще...

В трубке послышался какой-то шум, а потом раздался тонкий взволнованный голос – голос Женечки:

– Мапочка, а ты когда меня забереешь?

– Сыночек! – закричала Инна, чувствуя, что ее начинает трясти. – С тобой все хорошо, сыночек? Ты где? Кто тебя похитил?

В трубке что-то треснуло, и после короткой паузы послышался бархатный мужской голос:

– Инна Евгеньевна, вы не находите, что для одного раза слишком много вопросов? Но, так и быть, отвечу на них, причем именно в той последовательности, в какой вы задали. Да, у вашего сына, как, впрочем, и у вашего главбуха, состояние которой, если я правильно вас понимаю, вас не особенно заботит, хорошее. Мы все же *не звери*...

«Братя Шуберт, Адольф и Генрих», – билась у Инны в голове одна-единственная мысль. Интересно, кто с ней говорит – старший *Адольф* или младший *Генрих*?

Инна молчала, затаив дыхание, а неведомый собеседник тем временем продолжал:

– Вопрос «где ты?» не просто некорректен, как вы сами понимаете, но и откровенно глуп, Инна Евгеньевна. Потому что ваш сын ну никак не может дать на него ответ, а я, как вы сами понимаете, *могу*, но, *естественно*, не дам.

Инна закрыла глаза и подумала, что если бы этот сладкоречивый собеседник находился сейчас перед ней, а в руках у нее был револьвер, она бы разрядила в него целую обойму.

– Ну, и наконец, относительно вопроса о том, кто его похитил. Впрочем, не только вашего чудного сыночка, но и вашу не менее чудную бухгалтершу. Неужели вы еще не догадались?

Инна с трудом выдавила из себя:

– Что вы хотите?

– Вижу, догадались! Но, прошу вас, никаких имен, иначе мы засудим вас за клевету!

Тип благостно рассмеялся, и Инна подумала, что если уж стрелять в него, то лучше не из револьвера, а из «калашиникова».

– Что вы хотите? – повысила голос Инна.

– А вот кричать вовсе не обязательно, Инна Евгеньевна, – спокойно произнес ее собеседник. – Мы же все-таки *люди цивилизованные*.

Да, в особенности те, кто похищают больных детей и беззащитных, страдающих диабетом бухгалтерш!

– Однако не буду скрывать, ваш вопрос правильный и, более того, закономерный. Именно это и хотели услышать мои хозяева...

Да, так и есть – его хозяева, братья Шуберт. Не будут же эти фашисты звонить лично?

– И ответ на этот вопрос очень прост: все! Но желающий получить все обычно не получает ничего. Собственно, никто ведь не пытается принудить вас к чему-то противозаконными средствами. Вы ведь и сами все отдадите?

Инна ничего не ответила, а собеседник заявил:

– Ладно, шучу, Инна Евгеньевна. Все нам и не надо. Так, кое-что по мелочовке. Но это мы с вами обсудим в спокойной деловой обстановке в начале следующей недели. На выходных у вас будет возможность обо всем поразмыслить. Тем более что вы, как мы знаем, любите проводить выходные со своим сыночком...

– Я вас убью, если Женечка пострадает! – произнесла Инна. – Лично уничтожу!

– Бог с вами, Инна Евгеньевна! – изумленно протянул ее собеседник. – Какие страсти вы тут говорите! Даме такое не подобает. Только *джентльменам*...

Если джентльменам, то *джентльменам удачи*.

Братьям Шуберт.

– Потому как мы, конечно же, не намерены никого обижать, как не намерены разлучать вас с вашим чудным сыночком. Как и с вашим не менее чудным главным бухгалтером. Ведь их никто, к примеру, не похищал, потому как использовать подобную терминологию в данном случае просто оскорбительно, Инна Евгеньевна. Они у нас *в гостях*.

В гостях у людоедов...

– Кстати, Инна Евгеньевна, а если мы поставим вас перед выбором – кем вы готовы пожертвовать: своим главбухом или своим сыночком, – то в пользу кого склонится чаша весов?

Он снова бархатно рассмеялся, а потом добавил:

– Глупый вопрос, конечно. К тому же это все *исключительно* теоретические рассуждения. Теоретические и *гипотетические*, так сказать. Кстати, вам ведь как главе элитарного литературного журнала, специализирующегося на публикации заумных и, по мнению некоторых, *занудных* книг, известна такая русская пословица: «*В гостях хорошо, а дома лучше*»? А вот как это звучит, скажем, по-немецки?

Он выдал на рычащем немецком фразу, которую Инна не поняла, так как владела английским, французским и в худшей степени испанским и итальянским вкупе с научной латынью, однако намек был более чем прозрачен: братья Шуберт были потомками немецких колонистов.

– А поэтому, Инна Евгеньевна, не буду вас мучить, подходите через часик к саду, что неподалеку от вашего дома, ожидайте с торца детской площадки. И получите своего сына и своего, что немаловажно, главбуха – живых и невредимых!

Инна, не веря тому, что услышала, вдруг подумала о том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Говорю же вам, *мы не звери*. Проведете со своим чудным сыночком выходные, а в понедельник мы подъедем к вам снова – с цветами, бутылкой шампанского и нотариусом. Подпишете кое-какие документы, и дело с концом! Договорились?

Инна ничего не отвечала, а собеседник угрожающе произнес:

– Или нам не ехать? Потому что вашему чудному сыночку у нас очень нравится! У нас для него компьютерная приставка, которую вы так упорно не хотите ему купить, и плазменный экран во всю стену. Ну, вашему главбуху у нас не так по душе, потому что запросы у нее несколько иные, однако не все коту Масленица... Кстати, как вы догадываетесь, в немецком языке прямого соответствия этой русской поговорки нет, хотя аналог Масленицы есть. Но моим хозяевам известна кое-какая региональная поговорка из Гессена, имеющая сходный смысл. Вам интересно, как это звучит?

Инне было совершенно *не интересно*, но поделаться она ничего не могла. А когда тип выдал очередную непонятную ей фразу и задал сакраментальный вопрос, договорились ли они, Инна без колебаний ответила:

– Договорились!

На другом конце провода удовлетворительно, как-то по-фюрерски хрюкнули.

– Ну вот и отлично, Инна Евгеньевна! Мои хозяева не сомневались, что вы разумная женщина. Меньше чем через час заключите своего сына в объятия. И еще...

Он кашлянул и *деликатным* тоном добавил:

– Излишне напоминать, что не следует никому говорить о случившемся. Не следует. Вы же не хотите, чтобы ваш сын *снова* приехал к нам в гости? Хотя мы всегда рады вашему чудному мальчику.

В трубке что-то зашуршало, а потом до Инны донесся восторженный голос Женечки:

– Мамуля, тут так классно! А можно я тут останусь?

И неведомый собеседникдохнул в трубку:

– Ну вот видите, он даже и уезжать не хочет. Но что поделаться, вы же его ждете, не так ли?

Связь прервалась. Инна, чувствуя, что щеки горят от слез, развернулась и заметила встревоженную Олеся.

– Инна Евгеньевна, ну что? – спросила она, и Инна вдруг поняла, что эта девица в рваных джинсах и с кольцом в носу *тоже* любит ее сына. И *тоже* за него *переживает*.

– Его сейчас подвезут, – ответила Инна, а Олеся, ахнув, побежала зачем-то на кухню, приговаривая:

– Я ему сейчас оладушки сделаю. Или блинчики? И оладушки, и блинчики!

Довольная, что Олеся нашла себе отвлекавшее ее от дурных мыслей занятие, Инна, велев никого в квартиру не пускать, отправилась в ванную.

Они сказали – *через час*? Время, казалось, топталось на месте. Инна сходила в ванную, привела себя в порядок – встречать сына, милостиво *возвращаемого* ей похитителями, она должна при полном параде.

На выходе из ванной Инна, специально не смотревшая во время наведения марафета на дисплей мобильного (однако готовая схватить его в любой момент, если бы он ожил), наконец взглянула на него – прошло всего двадцать минут.

До сада, граничившего с детской площадкой, было не больше десяти минут пешего ходу.

Чувствуя приятный аромат оладей, которые жарила старательная Олеся (кто бы мог подумать, что владелица рваных джинсов и массивного кольца в носу способна на такое!), Инна снова напомнила, что пускать в квартиру никого нельзя, – и вышла.

На улице была прекрасная погода, май выдался теплый. В такие денечки хорошо прогуливаться с Женечкой по Нескучному саду. Или бродить в центре по набережной Москвы-реки.

А ей не оставалось ничего иного, как ждать возвращения сына похитителями.

Инна медленно шла – хотя желала со всех ног бежать – к саду, разбитому между их домом и соседним. На детской площадке играли ребятишки.

Не желая сталкиваться с родителями, сопровождавшими своих чад, потому что они бы непременно задали вопрос о Женечке и о том, *как у него дела*, Инна дала крюк и, как и было

сказано, спустилась к торцу детской площадки, который представлял собой высокий глухой забор, выходявший на проезжую часть.

Прямо на нее двигался молодой парень с невзрачной клочкастой собачкой на поводке, придававшей этому стильно одетому субъекту смешной вид. Инна вспомнила, что видела его пару раз в лифте и на площадке для выгула собак – кажется, это был новый элитный квартирант или даже хозяин.

Парень приветливо склонил голову, а Инна, сделав вид, что не заметила его, прошла мимо. Нет, только еще господ с собачками ей для полного счастья не хватало...

Но когда же минует этот час?

То и дело посматривая на мобильный, Инна считала минуты. А что, если *они ее обманули?* – Инна Евгеньевна! Привет! – услышала она голос.

Одна из молодых соседок катила по дорожке сада детскую коляску и, вероятно, заметила Инну, нервно ходившую туда-сюда вдоль забора.

Отделаться от говорливой соседки, счастливой матери семимесячных двойняшек и снова недавно забеременевшей, было *не так-то просто*. Инне пришлось приложить максимум усилий и бездну такта, чтобы спровадить восвояси говорливую особу, которая твердила о том, что пишет философский роман, и уговаривала взять первые главы на рецензию...

Отделалась Инна только после того, как заверила соседку, что с *огромным* удовольствием лично прочтет ее роман, и дала себе слово, что даже опубликует его, невзирая на качество и жанр, если...

Если вся эта история закончится благополучно.

Но почему она допускала вообще мысль о том, что эта история могла закончиться *неблагополучно?*

Бросив взгляд на мобильный, Инна вдруг поняла, что час миновал, и даже не час, а больше.

Значит, *ее обманули...*

И в этот момент заметила медленно катившийся в ее сторону по пустой улице черный фургон.

Чувствуя, что ее снова начинает трясти, Инна наблюдала за тем, как фургон подъехал к ней. Стекла были тонированные, и разглядеть того, кто находился за рулем, было невозможно.

Как и тех, кто находился *внутри* фургона.

Дверь внезапно распахнулась, и из черного фургона, прямо в объятия Инны, изнутри было что-то вытолкнуто. Вернее, *кто-то*.

Это была перепуганная, с заклеенным скотчем ртом и с повязкой на глазах, полнотелая, растрепанная бухгалтерша Мила Иосифовна.

Женщина осела на бордюр, а Инна склонилась над ней, не зная, что ей делать – оказывать помощь главбуху или ждать появления сына.

В черном проеме показалась фигурка Женечки: у него тоже был заклеен скотчем рот, а на глазах была повязка. Инна протянула к нему руки, желая принять сына в свои объятия.

Но в этот момент дверь фургона захлопнулась, и машина, набирая скорость, покатилась прочь. Инна в ужасе уставилась на уносившийся прочь фургон с ее Женечкой.

Значит, так и есть: *ее обманули...*

Она бросилась за фургоном, даже догнала его, кулаком ударила по лакированному черному боку, понимая, что сделать ничего не может.

Или броситься под колеса?

Если бы она знала, что это поможет, то бросилась бы. Но ведь *не поможет*.

Фургон притормозил, дверь приоткрылась, из проема показалась мускулистая, покрытая редкими рыжеватыми волосами рука, рука *заправского эсэсовца*, которая попыталась отпихнуть Инну в сторону. Инна изо всех сил вцепилась в эту руку, стараясь если уж не запрыгнуть в фургон, что было невозможно, так вытащить этого типа.

Инна видела мельтешение внутри фургона, кто-то кричал, другая рука довольно сильно ударила ее по плечу, но Инна не сдалась. Фургон ускорял движение, Инна поняла, что сейчас вот-вот выпустит руку и...

В этот момент раздался залиvistый собачий лай, предостерегающий крик, и Инна, отброшенная рукой из фургона на асфальт, увидела того самого стильно одетого нового соседа, смешная клочкастая собачка которого, прыгая, лаяла прямо на дороге около фургона.

Фургон резко затормозил, Инна изо всех сил крикнула:

– Помогите! Там мой сын!

К счастью, повторять дважды не пришлось. Сосед бросился к двери фургона, рванул ее на себя, и Инна увидела в возникшем проеме Женечку. Бледный блондинистый тип в черных штанах и черной же майке попытался немедленно закрыть дверь, однако сосед, не растерявшись, вмазал ему по лощеной физиономии. А затем отрывисто произнес, кивая на оторопевшего Женечку:

– Это *ваши* сын?

Инна кивнула, и молодой человек, протянув мальчику руку, сказал:

– Привет! Ничего не бойся! Просто выходи – ты уже дома!

Инна попыталась залезть в фургон, но молодой человек удержал ее, строго заметив:

– Не советую вам этого делать...

В этот момент из недр фургона появился еще один тип в черном, державший в руках пистолет. Сосед, ничуть не смутившись, выхватил у типа оружие, а Инна, твердо взяв Женечку за руку, произнесла:

– Сыночек, ну давай же!

Мальчик спрыгнул на асфальт, и только тут Инна поняла, что все это время вокруг фургона прыгала, отчаянно заливаясь лаем, та самая клочкастая собачка. Хотя вряд ли с того момента, как сосед кинулся помогать ей, прошло больше минуты.

Минуты, *решиительным образом* изменившей ситуацию.

Инна прижала к себе Женечку, а сосед, вертя в руках пистолет, хотел было что-то сказать, но в этот момент мускулистая рука, высунувшаяся из фургона, выхватила у него оружие, и фургон, развернувшись на пустой проезжей части, поехал в ту же сторону, откуда и прикатил.

Клочкастая собачка, все еще сердито лая, побежала за ним, а сосед сердито крикнул:

– Долли, к ноге!

Собачка подчинилась и, махая хвостом, вернулась обратно. Но все это ничуть не занимало Инну, не веря своему счастью, она, схватив сына, оттащила его с проезжей части на газон и, чувствуя, что ее трясет, а по лицу катятся слезы, принялась целовать своего мальчика.

А затем осторожно сняла и без того уже сползшую с глаз Женечки повязку и освободила его рот от клейкой ленты.

– Мапочка, – заявил сын, сияя, – это было так круто! Можно, мы это *повторим*?

Замерев, Инна вдруг поняла, что ребенок считает похищение и спонтанное освобождение веселым приключением. Инна прижала Женечку к себе, не желая его отпускать.

– Мапочка, мне больно! Отпусти, пожалуйста, мамочка! – попытался высвободиться он.

Инна понимала, что действительно *слишком сильно* прижимает Женечку к себе, но ничего поделать не могла. Она ведь потеряла своего мальчика – и благодаря счастливой случайности снова обрела его.

Нет, не случайности, а благодаря стильно одетому соседу и его собачке.

Инна осыпала лицо ребенка поцелуями, а Женечка, морщась и вертясь, пожаловался:

– Мамочка, фу! Ты всего меня обслюнявила. Не надо, мамочка, *этих телячьих нежностей*. Я уже взрослый!

Инна заплакала, дало знать о себе невероятное напряжение последних часов. Она никак не могла выпустить сына из объятий.

За спиной раздалось деликатное кашлянье, вздрогнув и обернувшись, Инна заметила соседа, державшего в руках свою собачку.

– Мне вызвать полицию? – спросил он.

Инна резко заявила:

– Ни в коем случае!

И поняла, что тон был совершенно неподобающий – и так с человеком, сыгравшим основную роль в освобождении ее сына из рук похитителей, уж точно не разговаривают.

Сосед, явно смутившись, что *крайне ему шло*, произнес:

– Извините... Просто я подумал, что дело было серьезное и что правоохранительные органы могут помочь. Ну, если ничего не нужно, тогда мы с Долли пойдем. Всего вам хорошего!

Он развернулся, чтоб уйти, а Инна, на мгновение рискнув оставить сына (хотя прекрасно понимала, что в данный момент никакой угрозы для Женечки нет), кинулась за соседом и прикоснулась к его плечу.

Тот повернулся, и Инна смущенно сказала:

– Большое вам спасибо! Вы... Вы очень мне помогли! *Нам помогли!*

– А они что, в самом деле *похитили* вашего мальчика? – нахмурился сосед.

Инна не знала, что и сказать. Потому что она разрушила комбинацию братьев Шуберт, явно не желавших возвращать ей сына, а намеревавшихся, показав ей Женечку, увезти его обратно в неизвестном направлении.

А теперь сын был *снова с ней*.

Что *теперь* предпримут похитители?

Сосед, элегантно сняв стильные черные очки (Инна увидела, что у него нереально яркие зеленые глаза, и вдруг поняла, что сосед очень привлекательный молодой мужчина – именно что *молодой!*), с жаром произнес:

– Все же советую вам обратиться в полицию. Потому что похищение – серьезное преступление.

Инна покачала головой, не желая ничего объяснять постороннему человеку. Хотя с учетом того, что этот парень только что помог ей освободить сына, точнее, сыграл в его освобождении решающую роль, он имел полное право знать.

– И все же подумайте об этом. Но если не хотите привлекать официальные власти, тогда вам нужна помощь друзей и родственников.

Друзья и родственники. Инна еле сдержала тяжелый вздох. Ни к тем, ни к другим она обращаться не намеревалась. Потому что никто не мог ей помочь.

Или она ошибалась?

– Вы точно уверены, что вам *не нужна* помощь? – спросил сосед, и Инна заколебалась. Вряд ли в ее положении было уместно отказываться от столь щедрого предложения...

Но имела ли она право вовлекать в эту опасную историю постороннего человека?

В этот момент со стороны газона раздался стон, и Инна вспомнила про Милу Иосифовну.

Взяв сына за руку, Инна подошла к ней: бухгалтерша, уже сняв со рта нашлапку, громко плакала и причитала, сетуя на свою «ужасную судьбину».

Инне нужно было успокоить ее и уговорить не обращаться в полицию.

– Мила Иосифовна, пойдемте ко мне домой, там должны быть оладушки. И блинчики, – предложила она.

Женечка, уже полностью оправившийся от произошедшего, полностью поддержал ее идею:

– Мамочка, хочу блинчики! И оладушки! А овсяное печенье есть?

Помогая Миле Иосифовне подняться, Инна обернулась, чтобы предложить зайти на блинчики и соседу, чьего имени, как вдруг поняла, она не знала, но того и след простыл.

Ушел вместе со своей собачкой Долли.

Поддерживая грузную бухгалтершу за локоток, Инна медленно через парк провела ее к дому, другой рукой крепко сжимая ладошку сына. Они поднялись на нужный этаж, Инна открыла дверь квартиры – и к ним тотчас бросилась Олеся.

Она обняла Женечку, а мальчик, потягивая носом, вывернулся из объятий няни и заявил:

– Хочу блинчики! И оладушки! И овсяное печенье! И не надо всех этих *телячьих нежностей*...

Инна невольно рассмеялась, Олеся бурно разрыдалась, а Мила Иосифовна вдруг поинтересовалась, добавляла ли Олеся в блинчики и оладушки сахар.

Трижды проверив, что дверь закрыта на замок, Инна отправилась с сыном на кухню. Олеся, уже несколько придя в себя, вела за собой велеречиво рассуждавшую о невероятном вреде сладкого Милу Иосифовну.

Все, кроме Инны, пили чай, а она приготовила себе в автомате крепчайший эспрессо. Все, кроме Инны, поглощали напеченные Олесей блинчики и оладьи – она же предпочла отщипнуть кусочек от овсяного печенья.

Инна знала, что ей необходимо подкрепиться, однако не *могла заставить* себя поесть.

– Мамочка, блинчики такие вкусные! И оладушки тоже! – заявил с набитым ртом Женечка, обильно поливая тарелку малиновым вареньем и шоколадным кремом. – А сгущенка у нас есть?

Раньше бы она ни за что не разрешила сыну, несколько склонному к полноте, поглощать все эти сладости, тем более *одновременно*, тем более в таком количестве. Но *раньше было раньше* – и бесповоротно прошло.

Поэтому Инна сама принесла из примыкавшей к просторной кухне кладовой не одну, а целых *две* банки сгущенки, самолично открыла их и торжественно поставила на стол.

Мила Иосифовна, уже забыв о том, что сладкое *крайне* вредно, наворачивала блинчики и оладушки, активно делая замечания и уча Олесю печь *правильно*.

Слушая вполуха эту болтовню, Инна любовалась сыном, поглощавшим столь вредный, но наверняка такой вкусный ужин. Она потрепала Женечку по светлым волосам и поцеловала в кособокую макушку.

– Мамочка, я же не малыш! Не надо этих *телячьих нежностей*!

Телячьи нежности с некоторых пор стало его любимым выражением. Инна с большим трудом сдержалась, чтобы снова не поцеловать его. И тихо произнесла, благо что Олеся и Мила Иосифовна углубились в профессиональный диспут о рецептах выпечки сдобы.

– Все ведь было... *хорошо*? – Инна не знала, как ей точно сформулировать вопрос. Потому что любое похищение наверняка оставляет след в душе жертвы.

А Женечка был жертвой. *Как и она сама.*

– Мамочка, это было нереально круто! – заявил Женечка, опустошая банку со сгущенкой большой ложкой. – Спасибо тебе, что *ты это устроила*!

У Инны екнуло сердце, и она сдавленно произнесла:

– Это *они* такое сказали?

Женечка кивнул и продолжил:

– Да. Они меня у школы забрали, сказали, что ты меня ждешь. И отвезли в этот классный бункер! Там так хорошо и темно! И ни чуточки не страшно. Там есть огромный телевизор

и приставка! Они сказали, что ты мне тоже купишь, мамочка! И что я должен испробовать приставку, чтобы решить, покупать такую же или другую. Я испробовал и решил – такую же! Ты ведь купишь мне, мамочка?

У Инны отлегло от сердца – сын воспринял похищение как незабываемое приключение, к тому же устроенное ей самой. Переубеждать его не имело смысла.

Ни малейшего.

– А кто тебя похитил... я хотела сказать – *сопровождал*?

Женечка быстро перечислил:

– Там были четыре дяди, все в черном. Один из них сказал, что они твои друзья. Только какие-то странные они, эти твои друзья. А они к нам в гости придут?

Инна резко тряхнула головой – нет, визит таких друзей ей *точно* не требовался.

– А эти дяди... Они вели себя с тобой корректно?

Сын, хватая последний оладушек, нахмурился:

– Мамочка, а что такое *корректно*?

Понимая, что задавать этот вопрос не стоит, Инна все же не смогла удержаться:

– Ну, они тебя не... *не били*? Не обижали? Не щупали как-то странно?

– Мамочка, они же твои друзья! Они странные, но хорошие! Один даже играл со мной в приставку, а потом, когда нам надо было ехать к тебе, сказал, что мы сейчас секретные агенты, и поэтому мне надо завязать глаза и заклеить рот. Но я ничуть не испугался. Потому что это все была игра. Ты ведь ее организовала, мамочка?

Инна на мгновение закрыла глаза. Что же, если уж на то пошло, она действительно *организовала* эту игру. *Игру на жизнь и смерть.*

Хотя нет, не она, а *братья Шуберт*.

Раздался звонок в дверь, и благостная, наверное, даже *чересчур* благостная атмосфера последнего часа вдруг в мгновение ока улетучилась. Олеся, опрокинув кружку с чаем, ойкнула, а Мила Иосифовна застыла с вилок в воздухе, на которую был нанизан оладушек.

Только Женечка как ни в чем не бывало, доскребая банку сгущенки, спросил:

– Мамочка, а ты что, открывать не будешь? Это ведь могут быть твои друзья. Решили к нам заглянуть...

Звонок повторился. Инна, чувствуя, что ей делается плохо, обернулась и заметила лежавший на кухонном столе *нож*.

А что, если так называемые друзья, вернее, люди братьев Шуберт заявили к ней? Ведь они прекрасно знали, в какой именно квартире она живет, а миновать пост охраны внизу им не составит никакого труда...

Инна поднялась и вдруг поняла, что направилась к кухонному столу, дабы на самом деле взять в руки *нож*.

Нет, наверное, уже и *нож не поможет*, да и Женечку это испугает. А что, если просто *затаиться в квартире и не открывать*?

– Я предлагаю игру, – сказала тихо Инна, хотя услышать ее за входной дверью уж точно никто не мог. – Мы сделаем вид, что в квартире никого нет! Это же *так смешно!*

Женечка, хихикая, тотчас поддержал ее:

– Мамочка, давай!

Звонок прозвучал в третий раз, и Мила Иосифовна медленно кивнула. Олеся, осторожно соскользнув со стула, взяла тряпку и принялась вытирать разлившийся чай.

– А вдруг это привезли мою приставку, мамочка? – произнес вдруг Женечка и сломя голову ринулся в холл. – Дяди же сказали, что мне ее доставят...

Инна побежала за ним, перехватила сына, прижала к себе и прошептала, зажимая ему рот рукой:

– Это не приставка. Я тебе сама куплю, обещаю...

Из-за двери раздалось потягивание, а затем послышался приглушенный голос:

– Видимо, куда-то ушли, Долли. Или еще не вернулись. Ладно, пойдем домой...

Чувствуя невероятное облегчение от того, что это были не самозванные *друзья*, Инна быстро подошла к двери и распахнула ее.

На пороге стоял молодой привлекательный сосед со своей лохматой собачкой.

Сосед явно не рассчитывал, что дверь откроется, смутился (Инна *снова* отметила, что это ему очень шло) и произнес:

– Добрый вечер. Мы с Долли не хотели вас беспокоить, просто...

Он замялся и выпалил:

– Просто я хотел удостовериться, что у вас все в порядке. Ну, *мы* хотели удостовериться...

Собачка Долли, словно в подтверждение, твякнула, замахала кургузым хвостиком, а затем без спроса ринулась в холл и, подбежав к Женечке, принялась скакать около него.

– Извините, я ее сейчас же заберу... – еще больше смутившись, произнес сосед.

А Инна, улыбнувшись, ответила:

– Ничего-ничего. Проходите! У нас имеются блинчики и оладушки.

И только потом поняла, что, по всей видимости, ни блинчиков, ни оладушек *уже* не осталось.

Из кухни выглянула испуганная Олеся, и Инна поспешила ее успокоить:

– Все в порядке. Это наши соседи – Долли и...

Она снова вспомнила, что понятия не имеет, как зовут элегантного соседа. Интересно, а сколько ему лет? Двадцать восемь? Тридцать? Ну, максимум *тридцать два*.

Мальчишка, который вполне мог быть *ее сыном* – и по возрасту соответствовал ее старшей дочери, проживавшей в Сан-Франциско.

– Тимофей, – представился сосед, подходя к Долли и Женечке. – Не бойся, она не укусит, она добрая, просто слишком игривая...

Женечка сначала боязливо погладил собачку, а потом, схватив ее и прижав к себе, заявил:

– А я и не боюсь! Она такая хорошая! И ты тоже хороший. *Правда ведь*, мамочка?

Инна смутилась, а сосед Тимофей, с улыбкой взглянув на нее, произнес:

– Ну, не мне судить об этом, однако, вероятно, малыш прав.

Инна рассмеялась, а молодой человек (нет, максимум тридцать, вероятно, *даже меньше*) сказал:

– Можете называть меня Тима или Тим, мои близкие друзья называют меня Тим.

– А маму зовут Инночка! – произнес, крутясь с Долли, Женечка. – Так ведь, мамочка? Правда, папа называет ее Нинка, но ведь это папа...

Сын в кои-то веки упомянул отца – того самого, который его не любил, не замечал и вообще считал *уродом*.

Но к отцу мальчик, несмотря на все, был привязан.

Сосед Тимофей, он же Тима, он же Тим, смутился.

– Наверное, я пойду, не буду вам мешать. Тем более что папе может не понравиться.

– Нашему папе многое не нравится, однако это никак не влияет на нашу жизнь, – ответила Инна, подавая соседу руку. – Меня зовут Инна...

Она едва было не представилась ему по имени-отчеству. *Только этого еще не хватало!*

– Очень приятно, Инна, – улыбнулся сосед Тимофей.

Инна улыбнулась в ответ.

– Ну, Тима, он же Тим, я, кажется, ввела вас в заблуждение, утверждая, что у нас имеются блинчики и *даже* оладушки. Кое-кто позаботился о том, чтобы их у нас уже не было...

Она выразительно посмотрела на сына, кружившего по холлу с Долли, и тот указал на высунувшуюся с кухни Милу Иосифовну.

– Мамочка, это она все съела! Ты же сама видела! Она говорила, что сладкое вредно, и подала один блинчик за другим! И оладушки тоже!

Мила Иосифовна немедленно исчезла, Инна развела руками, а Олеся заявила:

– Так я новые напеку...

– Только, дорогая моя, по моему *правильному* рецепту! – подала голос бухгалтерша. – Инна Евгеньевна, и закройте, прошу вас, дверь, а то *мало ли что...*

Следующие два часа вышли лучшими за последние годы в жизни Инны. Они все собрались на кухне – благо что места там предостаточно. Было настоящей уморой наблюдать за тем, как две поварихи, молодя (Олеся) и бывалая (Мила Иосифовна), не давая друг другу спуска и постоянно пререкаясь, готовили блинчики и оладушки.

Женечка, бросив взрослых, возился со своей новой подружкой, собачкой Долли, которая привязалась к мальчику не меньше, чем он к ней.

Инна, усадив соседа Тимофея на высокую табуретку за барной стойкой, самолично сделала ему двойной эспresso и, поставив перед молодым человеком чашечку, спросила:

– А откуда у вас Долли?

Тимофей, отпив кофе, ответил:

– От бывшей жены осталась. Ну, это долгая история...

Ага, значит, у него была *жена*. И, судя по всему, в данный момент сосед Тимофей был один. Инна поймала себя на том, что думает о каких-то уж слишком *глупых* вещах.

– А вы расскажите! – неожиданно для самой себя попросила Инна.

Тим улыбнулся:

– Не думаю, что вам будет интересно слушать стенания скромного банковского аналитика о том, как несправедлива к нему судьба-злодейка. К кому она, в сущности, *справедлива*?

Да, *к кому*? Инна посмотрела на сына, возившегося с собачкой, на двух дам, беззлобно пререкавшихся у плиты, и вдруг поняла, что была бы рада, если бы этот вечер продолжался вечно.

Только ничто не продолжается вечно – всему всегда *есть конец*.

По большей части *страшный*.

Сосед Тимофей тем временем продолжал:

– А вся долгая история в кратком изложении очень проста, более того, банальна: жили-были, любили-любили, потом разлюбили-разругались, поделили нажитое и расстались...

– Как же мне это знакомо! – вырвалось у Инны, и она поймала на себе недоумевающий взгляд Тимофея.

– Еще кофе? – смутилась она.

– Да, но последнюю чашечку, – ответил молодой человек. – Стараюсь с некоторых пор уменьшить потребление кофе. А какова ваша история?

Приготовив новую чашечку эспresso, Инна вздохнула:

– Извините, я тоже не намерена загружать вас своей банальной историей. Но финал ее таков, что я хоть и замужем, однако наш папа живет сам по себе, в другой семье. А я с Женечкой вот здесь...

Залпом выпив эспresso, сосед Тимофей заявил:

– В любой негативной, казалось бы, ситуации всегда имеется что-то позитивное. Если бы вы не ушли от мужа, а моя жена не бросила меня ради одного *реально богатого* человека, оставив мне лишь собачку, то ни вы, ни я не переехали бы сюда и не встретились бы. Вы бы не предложили мне свой божественный кофе, ваш сын не обрел бы новую подружку в лице моей Долли, и вряд ли бы эти дамы обрели возможность устроить кулинарное состязание...

Он шутливо указал на Олесю и Милу Иосифовну, сновавших около гигантской плиты.

Инна же подумала о том, что если бы она не встретилась с соседом Тимофеем, выгуливавшим свою Долли, оставшуюся ему от жены, ушедшей к *реально богатому* человеку, то никто не помог бы ей вызволить из рук похитителей Женечку.

Тогда бы все пошло иначе.

– Спасибо вам большое, – произнесла Инна, чувствуя, что у нее на глаза наворачиваются слезы. – Спасибо вам за то, что вернули мне сына...

Не желая, чтобы Тимофей увидел ее слезы, Инна выбежала с кухни в гостиную, где, упав на диван, закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала.

Через несколько мгновений она почувствовала, как кто-то прикоснулся к ее плечу. Подняв заплаканные глаза, Инна увидела, что рядом с ней сидит Тимофей.

– Это ваш муж? – спросил он сочувственно. – Он хочет отобрать у вас вашего мальчика?

Горестно вздохнув, Инна ответила:

– Если бы! Отец к Женечке равнодушен, хотя, если сказать по правде, сына он не любит. Геннадий не хотел его появления на свет. Еще бы, ведь он *урод*!

Инна вновь заплакала и внезапно прижалась к Тимофею. Затем, осознав, что это крайне странно, попыталась отодвинуться, но Тимофей не отпустил.

– Инна, тебе необходимо выплакаться... То есть вам, я хотел сказать, извините, конечно же, вам... Поверьте мне, от этого полегчает!

И она на самом деле, проплакав на плече соседа Тимофея несколько минут, почувствовала, что ей становится лучше.

Если бы ее Геныч был таким! *Когда-то* он и был. И, вероятно, сейчас тоже он такой, но больше не для нее и не для Женечки.

Сосед Тимофей, надо отдать ему должное, не пытался использовать ситуацию в своих целях, не приставал к ней.

А, может, *если бы попытался пристать, было бы не так уж и плохо?*

Инна отогнала от себя эту глупую мысль. Понятно, *отчего* подобные ей пятидесятилетние тетki берут в любовники молодых парней. Но для чего она парню, который в сыновья ей годится? К тому же сосед Тимофей недавно пережил предательство любимой женщины...

Зачем ему Инна?

– Мамоchка, почему ты плачешь? Тебе что, плохо? – услышала она голос сына и немедленно отстранилась от Тимофея.

Женечка, с собачкой Долли на руках, стоял перед диваном и внимательно смотрел на них.

– Нет, все очень хорошо! – заверила его Инна, вскакивая на ноги.

Она поспешила в ванную, чтобы привести себя в порядок, но успела услышать вопрос любопытного Женечки:

– А ты что, теперь будешь моим новым папой? А если так, то ты подаришь мне Долли?

Умывшись и подкрасив губы, Инна вернулась в гостиную и обнаружила, что та пуста – и Тим, и Женечка переместились на кухню. На столе возвышались блюда с блинчиками и оладушками.

– У нас будет пир горой, мамочка! – радостно кричал Женечка. – А почему блинчики горой, а не холмом или скалой?

– Ну, думаю, нам с Долли пора, – проговорил сосед Тимофей, а Женечка, взяв его за руку, практически силой усадил на стул.

– Нет, вы останетесь! А Долли можно немного блинчика? Ну, хотя бы самую малость?

Услышав, что речь идет о ней, собачка завертелась волчком, а потом встала на задние лапки.

– Вообще-то, нельзя, но сегодня, так и быть, можно! – улыбнулся Тимофей. – Благодарю за приглашение, но, боюсь, что такое я не ем. Понимаете, у меня особая белковая диета и занятия с личным тренером...

Инна решительно поставила перед ним тарелку и сказала:

– У меня, открою вам секрет, тоже диета, однако от двух блинов не умрете. Или вы сомневаетесь, что наши хозяйки приготовили нечто изумительное?

Так как связываться с насупленными Олесей и Милой Иосифовной Тимофей желанием явно не горел, он быстро согласился, пододвигая к себе банку малинового варенья:

– Только чур это мое! Тут немного осталось, как раз мне хватит...

– Мапочка! – заголосил Женечка. – Я тоже хочу!

– Сынок, ты же понимаешь, что гостям положено предлагать лучшее...

– Мапочка, а кем положено? Я тоже хочу!

К счастью, Олеся принесла из кладовой еще одну баночку варенья, на этот раз вишневого, и критическая ситуация разрешилась сама собой. Подмигнув Женечке, Тимофей пододвинул к нему банку малинового варенья.

– Забирай. Я все равно вишневое люблю больше.

Схватив баночку, мальчик сказал:

– Тогда мы с тобой точно сойдемся. Так что имей это в виду, мамочка! У меня ведь будет новый папа, раз старый нас бросил и завел себе другую семью?

Инна онемела, потому что была уверена, что сын не в курсе амурных походов своего отца. И на тебе – *очень даже* в курсе.

Она замялась, не зная, что ответить, а Тимофей, поглощая блинчики с вишневым вареньем, закатил глаза и произнес как ни в чем не бывало:

– Просто божественно! Мой личный тренер мне голову оторвет, если узнает, чем я на ночь глядя питаюсь, но уж лучше без головы, чем без такой вкусноты. – И добавил, обращаясь к Женечке: – Думаю, твоя мама еще не готова. Как я сам. Моя супруга тоже ушла в другую семью, решив, что человек, который зарабатывает раз в десять больше, чем я, ей лучшая пара. Да и не забывай, моя Долли дама привередливая, она не любого в свою семью примет...

Долли, вертясь около стола, выпрашивала у Женечки еще блинчика.

– Я ей понравился, значит, и мама тоже понравится! Так ведь, Доллинька? А почему Долли?

Слушая повествование соседа Тимофея о происхождении имени Долли, Инна не сводила с молодого человека глаз.

Ну да, уже тот факт, что он помог ей спасти сына, поднял его на небывалую высоту в ее глазах. И не только это... Конечно, Тимофей был младше ее лет на двадцать, но было в нем что-то, что Инну влекло к нему.

Неужели тот факт, что последний раз с Генычем они спали больше двух лет тому назад, да и то случайно?

Запретив себе думать о подобных вещах, Инна заметила беспокойный взгляд Милы Иосифовны. Подойдя к ней, Инна спросила:

– В чем дело?

– Ну, вы же знаете, семьи у меня нет, так что звонить и предупреждать, что со мной все в порядке, мне некому, но все равно я у вас засиделась. Пора мне домой...

Инна положила ей руку на плечо.

– Мила Иосифовна, куда вы хотите возвращаться – в квартиру, с порога которой вас похитили?

Бухгалтерша всхлипнула:

– И заставили меня заявление об увольнении написать. Оно ведь же недействительно?

– Конечно, недействительно, – заверила Инна. – Вы по-прежнему работаете в моем журнале.

Весь вопрос был в том, как долго «Всякая литературная всячина» останется *ее*.

– Но мне все равно пора. Не могу же я оставаться у вас...

– Конечно, можете. Сами видите, у нас тут комнат предостаточно. Гостевая не особо обставлена, однако кровать имеется, шкаф тоже. Будете жить, сколько потребуется.

Мила Иосифовна, расплакавшись, принялась обнимать Инну.

– Господи, какая вы добрая и человечная! Если бы все такие были, Инна Евгеньевна...

Инна же подумала о тех, кого точно добрым и человечным назвать нельзя – о *братьях Шуберт*. И едва она о них подумала, раздался телефонный звонок. Номер на дисплее был *не определен*.

Разговаривать по телефону Инна ушла в свой кабинет, *также* не особо обставленный. Уже знакомый ей бархатный голос, впрочем, на этот раз гораздо более суровый, огорошил ее вопросом:

– И как проводите время с сыном, Инна Евгеньевна?

Инна, чувствуя, что ее бросает в жар, произнесла:

– Вы ведь не собирались мне возвращать Женечку, не так ли? Хотя обещали!

– Но сейчас-то ваш чудный сынок у вас! – парировал собеседник. – Чего теперь жаловаться?

– Что вам нужно? – выпалила Инна.

– То, что и прежде, Инна Евгеньевна. Ваш чудный сыночек у вас, однако и ваши чудные активы все еще тоже у вас. Понимаете, в этот раз вам помог нестати взявшийся прохожий, и мои люди решили не применять силу, хотя вполне могли бы, потому что у них не было соответствующего приказа от моих хозяев. Но *в следующий раз* все может быть иначе...

В следующий раз... Инна ощутила, как страх снова сковывает сердце. Ну да, как ни идиллично было поедать на кухне блинчики и оладушки с малиновым и вишневым вареньем, рано или поздно им придется покинуть квартиру, превратившуюся в данный момент в крепость.

Рано или поздно.

А где-то там, поблизости, будут поджидать *они* – братья Шуберт. И их люди в черном фургоне.

– Ваши предложения? – спросила отрывисто Инна.

– Наслаждайтесь пока своим счастьем и помните, что, как и любое счастье, оно временно. Сейчас вечер пятницы. В понедельник утром с вами свяжутся и скажут, что делать.

То есть приедут со своим нотариусом и заставят ее продать по дешевке или даже передать даром активы, необходимые для последующей атаки на холдинг Геннадия.

– Только, Инна Евгеньевна, как вас и предупреждали, без глупостей. Потому что, если на то пошло, мы можем наведаться к вам и раньше понедельника. *Прямо в квартиру*. Вы ведь этого не хотите?

Он отключился, а Инна, держа около уха пищавший аппарат, смотрела в сгущавшуюся за окном майскую тьму.

Раздался осторожный стук в дверь, на пороге возник несколько смущенный Тимофей.

– Извините, не хочу мешать, но все ли у вас в порядке?

Инна перевела взгляд на молодого человека, понимая, что должна, нет, практически обязана выдать стандартную фразу о том, что, *да, все в полном порядке*.

А вместо этого тихо заметила:

– Все совершенно *не в порядке*...

И она рассказала Тимофею обо всех неприятностях последних лет, начиная со второй семьи Геннадия и кончая похищением сына и шантажом со стороны братьев Шуберт. Тимофей, практически не прерывая ее, задавал толковые наводящие вопросы, и когда Инна завершила свой рассказ, заявил:

– Да, тут без кофе не обойтись. Так что пойду против советов своего тренера, сегодня такой уж день. Я сейчас сам все приготовлю!

Он вернулся через несколько минут, которые Инна провела в полной апатии, – силы вдруг покинули ее, и она была *ужасно рада* тому, что появился кто-то, кто готов ей помочь, и подставил в трудную минуту плечо.

Тимофей протянул ей чашку кофе.

– На этот раз никакого чистого эспresso, а кофе с молоком. Вообще-то, на ночь нельзя пить кофе, как считает мой тренер, но...

Сделав глоток, Инна пробормотала:

– Но сегодня *такой уж день*...

– Это точно! – улыбнулся Тимофей. – Кстати, вы вели речь о некоем бизнес-плане по переводу активов в зарубежный траст. Не забывайте, я банковский аналитик, заместитель начальника отдела. Хотите, я его изучу прямо сейчас и дам вам свое экспертное заключение?

– *Хочу!* – немедленно заявила Инна и принесла Тимофею бумаги, переданные ей мужем.

И уселась на диван, наблюдая за тем, как молодой человек погрузился в чтение. Через некоторое время он встрепенулся, вероятно, почувствовал ее пристальный взгляд.

– Что-то не так?

А Инна честно ответила:

– Нет, как раз впервые за многие годы: *все очень даже так*. Спасибо вам, Тимофей.

Она подошла к нему – и вдруг (а, вероятно, *очень даже не вдруг*) поцеловала его в щеку.

А Тимофей вдруг привлек ее к себе и ответил другим поцелуем – в губы. Инна закрыла глаза, чувствуя зарождающееся в теле желание. Господи, *что* она творит?!

И с кем? И в какой ситуации...

Инна прекрасно понимала, что поступает глупо, опрометчиво, неправильно, но от осознания этого, а также от восхитительных, умелых, возбуждающих ласк соседа Тимофея хотела только большего.

И *прямо сейчас*.

Тут распахнулась дверь, и на пороге возник Женечка, правда, не сразу, так как открывал дверь спиной, потому что держал на руках Долли.

Этих нескольких мгновений Инне хватило, чтобы отпрянуть от Тимофея, который, в свою очередь, закинув ногу на ногу, сделал вид, что *внимательнейшим образом* изучает документы.

– Mamочka, у меня живот болит! Сильно! Кажется, я блинов объелся...

Инна, извинившись, вышла из кабинета и занялась сыном. Судя по всему, он *действительно* объелся блинов, оладий, варенья и прочих сладостей. Неудивительно, что у него заурчало в животе и сделалось плохо.

К лечению Женечки оперативно подключилась Олеся, заявившая, что сегодня никуда не уедет и переночует прямо здесь, *на диване в гостиной*, и Мила Иосифовна, громогласно заверявшая, что у нее хоть и нет своих детей, однако имеется *тринадцать* племянников и племянниц и двадцать девять внучатых племянников и племянниц, благодаря которым она *прекрасно* знает, что надо делать с мальчиками, объевшимися блинов.

На что Олеся заметила, что у нее два диплома, один из которых педагогический, и что она *также* прекрасно знает, что делать с мальчиками, объевшимися блинов, и что то, что предлагает Мила Иосифовна, полный нонсенс и что...

Тут начало рвать Долли, которая, судя по всему, не без помощи Женечки, также объелась блинчиками, к тому же не привыкла, чтобы ее так долго таскали на руках, и Инна вдруг поняла, что не имеет ни малейшего понятия, что ей делать.

Поэтому была *невероятно* благодарна тому, что Тимофей взял инициативу в свои руки, мигом привел в чувство и заставил прекратить перебранку Олесю и Милу Иосифовну, самолично натолок активированного угля, который заставил выпить Женечку, сбегал к себе домой, чтобы принести таблетки для Долли, уложил ребенка в постель, дал Долли таблетки и убрал ее «подарки» на полу кухни, заодно вымыв пол до сверкающей чистоты. Снова разнял затеявших очередную свару Олесю и Милу Иосифовну, припугнув их тем, что если они не прекратят, то выгонит их на улицу, где ждет *черный фургон*, в результате чего обе дамы тотчас замолчали и стали как шелковые, приготовил ромашковый отвар и велел всем, в том числе и Инне, выпить его. Снова убрал за Долли, которую опять вырвало, на этот раз в холле, хотел было вымыть и холл, однако милостиво согласился, когда Олеся и Мила Иосифовна, без *малейшего* намека с его стороны, исключительно по собственному почину, наперегонки бросились за ведром, желая вымыть пол самолично. Затем он отправил Олесю в спальню Женечки, чтобы няня прочитала мальчику сказку, отправил Милу Иосифовну на кухню, чтобы та убрала грязную посуду, принес так и не выпитый ромашковый отвар Инне, сидевшей в изнеможении на диване и следившей за всеми перемещениями домашних с неподдельным изумлением, вручил ей бокал, принес из кабинета бизнес-план Геннадия и, опустившись не на диван рядом с ней, *как тайно рассчитывала Инна*, а в стоявшее на солидном отдалении кресло, тоже отхлебнул из своей чашки ромашкового отвара и спросил с еле заметной, даже несколько виноватой, улыбкой:

– Надеюсь, я все сделал правильно и вы довольны?

Инна в священном ужасе только и могла выдать:

– И жена вас *бросила*?

Тимофей, усмехнувшись, не без горечи заметил:

– Ну ее новый муж, как я сказал, в отличие от меня, *реально богатый*.

Инна сочувственно покачала головой, а сосед Тимофей, снова погрузившись в бизнес-план, произнес:

– Ну что же, изучим то, что предлагает вам ваш супруг... Кстати, правильно я понимаю, что это – *сам* Геннадий Фарафонов?

Инна кивнула, поймав себя на том, что любит молодого человека. Неужели она, незаметно для себя самой, стала одной из этих матрон среднего возраста, падких на юных любовников?

– Кстати, может, нам перейти на «ты»? – внезапно спросила Инна.

Тимофей, подняв на нее глаза, улыбнулся и ответил:

– С удовольствием!

Инна, чувствуя себя глуповатой школьницей, спросила:

– Может быть, сделать еще кофе?

Сосед Тимофей расхохотался:

– Нет, кофе, пожалуй, *не надо*. И блинчиков тоже. Но не откажусь от чая. Однако если разрешишь дать совет – зайди сначала к сыну, он ведь тебя ждет.

Встрепенувшись, Инна оставила Тимофея в гостиной, а сама поспешила в спальню Женечки. И лицезрела следующую картину: Олеся, устроившаяся в кровати рядом с Женечкой, мирно спала, а ее сын, видимо, изъев из руки няни сборник сказок, шевеля губами, читал.

– Мапочка, тихо! – произнес сын, прикладывая к губам палец и косясь на спящую Олесю. – Она так устала, бедняжка.

Инну разобрал смех – подобные выражения Женечка наверняка почерпнул в сказках, которые обожал. Она опустилась на кровать с другой стороны и, забравшись под легкое одеяло, прижалась к Женечке.

– Тебе почитать на сон грядущий? – спросила она, а сын, мотнув головой, продолжил чтение самостоятельно. Инна, любуясь своим мальчиком, поцеловала его в висок и пригладила непослушные кудри, а Женечка, отодвигаясь от нее, заявил:

– Мамочка, давай без телячьих нежностей! Я уже большой!

Инна сдержала вздох, а ведь сын прав: он в самом деле *уже большой*. В конце декабря ему исполнится десять.

Что, конечно, не отменяло того факта, что для нее он всегда будет ее маленьким сыночком. А для отца...

Для отца он всегда останется *этим уродом*.

Шевеля губами, Женечка продолжал чтение, Инна, наблюдая за ним, вдруг поняла, что глаза слипаются: день был крайне суматошный.

Но тут ее привел в чувство вопрос Женечки:

– Он тебе нравится, мамочка?

– Кто? – встрепенулась Инна, а сын, по-прежнему смотря в книгу, уточнил:

– Сосед Тимофей.

Инна вместо ответа снова поцеловала мальчика, на этот раз он не сопротивлялся, удовлетворительно заметив:

– Значит, нравится, мамочка. А он теперь будет моим папой?

Инна, поджав под себя ноги, уселась на кровати, и мягко, но настойчиво забрав у сына книгу, положила ее на одеяло.

– Золотце, у тебя ведь уже есть папа...

Женечка, поморщившись, ответил:

– Но ведь он нас не любит, мамочка? А зачем нам такой? Не лучше ли завести нового?

Вопрос был хороший: в самом деле, не лучше ли? И что, собственно, было препятствием? Как говорится: *сорок пять – баба ягодка опять*. Только ей вот должно исполниться пятьдесят, но разве это что-то меняет?

Внезапно в голову пришла зловещая мысль о том, как будет звучать эта расхожая заливчатская присказка о сорокапятилетней бабе-ягодке *на немецком*...

– Ну что ты, золотце, – попыталась перевести тему Инна, – родителей ведь не выбирают. Да, наш папа не идеален, это верно, однако его уже не изменишь...

– А зачем он нам тогда такой вообще нужен? – продолжил спокойным, каким-то даже чересчур спокойным тоном Женечка.

Действительно, *зачем*? Ведь сын прав: пока не поздно, надо было уйти, порвать с этой жизнью, которая никогда, собственно, и не была ее жизнью, а была жизнью Геннадия, и начать свою собственную.

Пусть даже и в пятьдесят.

Главное, с тем человеком, которого полюбит она сама и который полюбит ее. При мысли об этом она почему-то вспомнила поцелуй с соседом Тимофеем в кабинете. Спрашивается только, *отчего*?

– Ну, понимаешь, лучше все же такой, чем какой-то иной. Ведь новый может оказаться хуже...

Инна сама знала, что объяснение это для идиотов. И пусть у ее сына синдром Дауна – идиотом Женечка не был *точно*.

– А вдруг он окажется *лучше*, мамочка?

Да, *вдруг*? Инна поняла, что ей нечего возразить. Все последние годы, не менее десяти, а, быть может, и все пятнадцать, если даже не двадцать, она, вместе с Геннадием становясь богаче, могущественнее и влиятельнее, с той же поразительной скоростью теряла то, чего раньше, в те времена, когда они ютились в общежитии или, полные надежд, начинали свое первое дело, у нее было в избытке: *свободу*.

– Ну, может и окажется. Но понимаешь...

Инна смолкла, потому что Олеся повернулась на другой бок, вообще-то, очень хотелось, чтобы эта соня продрала глаза – тогда бы представилась отличная возможность прекратить тягостную беседу с собственным девятилетним сыном под благовидным предлогом.

Но Олеся, промурлыкав, продолжила спать.

– Так что же, мамочка? – произнес Женечка, который умел быть на редкость настырным.

Весь в отца.

– Понимаешь, это не так просто. В особенности когда твои мама и папа так долго живут друг с другом.

И когда у них *так много денег*, которые надо делить в случае развода.

– А почему не *так* просто? – задал вполне логичный вопрос сын, и Инна, схватив сборник сказок, заявила:

– Давай я тебе лучше почитаю. На чем ты остановился?

В глаза бросились витиеватые строчки какой-то сказки: «...королева больше не любит короля, поэтому задумала она его отравить и возвести на престол своего брата-колдуна...»

Быстро отложив книжку в сторону, Инна спросила:

– Золотце, а отчего ты завел этот разговор? Разве тебе не хочется, чтобы папа и мама были вместе?

– Хочется, – ответил Женечка, – но ведь вы уже давно не вместе, мамочка, и не собираетесь быть вместе. Так не лучше ли не мучить друг друга?

О, конечно же, *лучше* – как сын прав!

– И меня, мамочка, тоже не мучить...

Инна в ужасе уставилась на сына. Господи, ведь она все эти годы была уверена, что он... что он *ничего не знает*, ничего не видит, ничего не понимает. Что он маленький. Что он занят своими детскими проблемками. Что он, в конце концов, *не такой, как все*, и поэтому не видит очевидного.

А Женечка замечал то, на что *нормальные* люди часто не обращали внимания...

– Сынок, извини, я не знала... – пролепетала Инна, пытаясь обнять Женечку, но тот снова отстранился и заметил:

– Мамочка, я же сказал – без телячьих нежностей. А скажи, мамочка, что будет, если папа *умрет*?

– *Умрет?* – Инна подумала, что ослышалась. – Но почему папа должен умереть?

Сын никогда прежде не говорил с ней о смерти, да и со смертью пока что, слава богу, не соприкасался – даже ни на чьих похоронах не бывал.

И вдруг *такое*.

– Потому что все умирают, мамочка. *Все*. И папа тоже умрет. Получается, если он умрет, то мы будем свободны и можем делать все, что захотим?

Если Геннадий умрет... Инна никогда не задумывалась о подобной коллизии. Да и с чего Геннадию умирать – он на полгода был младше ее, что особенно в последние годы *постоянно* подчеркивал, делая из нее старуху, а из себя – эдакого резвого юнца.

– Так ведь разве будет не хорошо, если папа умрет, мамочка? – продолжил сын, и в этот момент смартфон, который Инна захватила с собой и положила на прикроватную тумбочку, завибрировал.

Как кстати!

Так и не ответив на вопрос Женечки, на который у нее не было ответа, во всяком случае *подходящего*, Инна взглянула на дисплей, уверенная, что номер будет не определен.

Что будет означать одно: ей опять звонит тот, чьими хозяевами являются *братья Шуберт*.

Однако вместо этого высветилось: «*Супруг*».

Именно так, а не «Геннадий» или «Геныч», муж фигурировал у нее в «Контактах».

– Извини, золотце, но мне надо принять звонок. А ты лучше спи. Тебе свет потушить? Женечка, снова беря книгу в руки, заявил:

– Нет, мамочка, я еще немного почитаю, потом в туалет схожу и лягу спать. А Олесю не буди, пусть тут спит. Она ведь за день намоталась.

Телефон, зажатый в руке, продолжал вибрировать, а Инна все медлила.

– А разговор мы с тобой продолжим позднее, золотце. Ты не думай, что я не хочу говорить с тобой на эту тему, но...

Вот именно: *но*.

– Хорошо, мамочка. Спокойной ночи!

Женечка уткнулся в книгу, а Инна, разрываясь между тем, чтобы снова опуститься на кровать и продолжить диспут с собственным ребенком и ретироваться, но предварительно его поцеловав, вышла в итоге в коридор, так и не поцеловав сына («к чему эти телячьи нежности, мамочка!») и не завершив с ним беседу.

Беседу, которую *нельзя* было завершить.

Инна посмотрела на дисплей телефона, желая наконец принять звонок, однако сигнал больше не шел. Вздохнув, она осторожно притворила дверь в спальню сына, какое-то время наблюдала за ним, сосредоточенно читающим свою страшную сказку, в шелку, а потом проследовала в комнату для гостей, где расположилась Мила Иосифовна.

Бухгалтерша, несмотря на шок, вызванный похищением, а скорее всего под влиянием большого количества блинчиков и оладушек, уже спала, распластавшись во всю свою стать на кровати и громко храпя.

Улыбнувшись, Инна притворила дверь, на этот раз щелочки не оставив, и вернулась в гостиную.

Тимофей, сосредоточенно просматривая бизнес-план, даже не встрепенулся, когда Инна опустилась около него.

А ведь Женечка прав. Все умирают. И папа. И мама. И дети. Конечно, и она сама когда-то умрет, и если принимать в расчет существование подобных типов, как братья Шуберт, то это может произойти *намного* раньше, чем хотелось бы.

И что она увидит от жизни?

Инна пристально смотрела на Тимофея, отмечая, что тот, как и ее сын, читает, шевеля губами.

Но, заметив присутствие Инны, он встрепенулся и произнес:

– Что же, должен сказать, что план вашим супругом разработан весьма изящный. Я бы изменил кое-что, однако схема в целом заслуживает доверия, и я могу с чистой совестью рекомендовать вам, извини, *тебе* согласиться на...

Но Инна решительно прервала его, накрыв рот поцелуем.

Банковский аналитик сосед Тимофей не сопротивлялся.

Когда они уже вовсю предавались ласкам на диване в гостиной, Инна вдруг замерла и, полуголая, соскользнула на пол. Тимофей, глядя на нее затуманенным взором, прошептал:

– Что-то не так?

Инна, собрав скинутую в порыве страсти одежду, поманила его за собой. Они на цыпочках проследовали в кабинет. Там, швырнув вещи в угол и заперев дверь изнутри на ключ, Инна произнесла:

– Так-то лучше! Извини, не хотелось бы, чтобы сын или кто-то из наших дам появился в самый неподходящий момент и...

На этот раз Тимофей решительным жестом притянул ее за шею к себе и накрыл ее рот поцелуем.

Инна не могла сказать, как долго они любили друг друга. Да, именно любили – потому что это был не просто секс, сладостный и восхитительный, а нечто большее. Какая-то феерия чувств, симфония страсти.

И теперь она *прекрасно* понимала, отчего ее ровесницы заводят себе молодых любовников – по сравнению с тем, что у нее было последний раз, два года назад, с Генычем, это было даже не небо и земля.

А скорее *рай и ад*.

Внезапно Инна ощутила, что по щекам у нее текут слезы – нет, она была не настолько сентиментальна, чтобы реветь из-за отличного секса.

Хотя не исключено, и из-за этого *тоже*.

Она не хотела плакать, но слезы текли, потому что все смешалось в доме Фарафоновых: и внезапное блаженство; и осознание того, *чего* она была лишена многие годы, не исключено, всю жизнь, причем отчасти и по собственной вине; и семейные проблемы с Генычем, его параллельная семья, его скотское отношение к сыну и его любовь к своим двум младшим дочуркам от *второй* Инны; и недавние, не по ее вине возникшие коллизии с братьями Шуберт, похищение Женечки, его возвращение...

И даже то, что ей меньше чем через месяц должно стукнуть *пятьдесят*.

Ну и, конечно же, восхитительный, неподражаемый, классный *секс*. Точнее, не секс, а *момент любви*. Ах, об этом она уже подумала...

– Ты почему плачешь? – произнес, нежно трогая ее за шею, Тимофей. В его голосе звучала тревога. Он приподнялся на локте, демонстрируя свои превосходные, созданные в течение долгих занятий с личным тренером, мускулы. – Тебе что, было со мной так... *плохо*?

Смеясь и все еще плача, Инна повернулась к нему лицом, поцеловала Тимофея в нос и заявила:

– Плачу, глупыш, потому что мне так хорошо! Спасибо тебе, сосед Тимофей!

Молодой человек расплылся в улыбке:

– Тогда давай *повторим*?

Но едва они приступили к повтору, около двери послышалось ворчание, урчание и скуление. Кто-то крайне активно царапал когтями дверь, желая обратить на себя внимание.

– Долли! – подскочил на диване, демонстрируя свои исключительно спортивные формы, Тимофей. И виноватым тоном добавил: – Я о ней забыл, а она женщина капризная, ты уж извини... К тому же привыкшая, что вечером я с ней на прогулку выхожу.

Инна, потянувшись, хрустя косточками (и подумав о том, что неплохо бы снова подыскать личного тренера – занятия фитнесом она забросила еще года два назад, вскоре после последнего секса с Генычем), добродушно произнесла:

– Ну хорошо, так и быть, я готова делить тебя с этой капризной красоткой. Но *только* с ней!

С удовольствием наблюдая, как Тимофей сноровисто одевается, Инна вдруг вспомнила то, что ни в коем случае нельзя было забывать. И, подскочив, тоже принялась быстро одеваться.

– Я с тобой. Потому что там, не исключено, люди братьев Шуберт ждут...

Затягивая ремень вокруг идеально плоского живота, молодой человек ответил:

– Вполне даже допускаю. Именно поэтому оставайся в квартире и не выходи. Тут вы в относительной безопасности – безопасности *абсолютной* в данной ситуации, увы, не существует. Пока что не существует...

Инна понимала, что сосед Тимофей прав, но проводила его с тяжелым сердцем. А что, если похитят его? Или Долли? Или их *обоих*?

Как странно, еще несколько часов она и здороваться с соседом не намеревалась, а теперь Тим был для нее роднее и милее собственного супруга.

Вспомнив о звонке мужа, Инна отыскивала мобильный, который, будучи поглощенной водоворотом страсти, оставила на подлокотнике дивана в гостиной.

Шесть пропущенных звонков от контакта «Супруг» за последние полтора часа (те полтора часа, в которых она из недр ада воспарила к вершинам рая), а также несколько сообщений по различным чатам, сводившиеся к одному: «*Позвони мне, позвони!*»

Что Инна и сделала, убедившись, что все давно спят – и Женечка в одной кровати с Олесей, и продолжавшая насыщать воздух спальни для гостей громогласным храпом Мила Иосифовна.

Погасив в комнате сына свет, поправив одеяло, поцеловав его в лоб и поправив кудряшки, Инна вернулась в кабинет и, опустившись в кресло, набрала номер мужа.

Было семь минут третьего ночи – самое время для *серьезных* разговоров.

Геннадий отозвался практически сразу, как будто ждал ее звонка – а ведь наверняка ждал.

– Нинка, где ты была? Не могу до тебя дозвониться! – сердито воскликнул он.

«О, если бы ты знал, милый, *где* я была!»

– Там, куда тебе путь закрыт, – ответила Инна спокойно. – Добрый вечер, Геныч. Так в чем дело?

– В чем дело? – завопил он. – Эти мерзавцы Шуберты пытались похитить моего сына, а ты мне и сообщить не соизволила?

Кто же успел ему донести?

– И я узнаю это от какого-то велеречивого хлыща, который трезвонит мне по поручению этих мерзавцев?

Ага, кажется, понятно *кто*.

– Не пытались, Геныч, а *похитили*, – проговорила Инна, отыскивая в ящике стола завалявшуюся там пачку сигарет и зажигалку. Зажгла сигарету, с наслаждением затянулась. Курила она в последний раз тоже года два тому назад – черт побери, до, после или, не исключено даже, *во время* последнего секса с Генычем – и, опять же, черт побери, отчего у нее все события группируются вокруг последнего секса с Генычем – это что, своего рода *сингулярное явление* наподобие Большого взрыва? Подобно ковбоям из дешевых вестернов, она положила голые ноги на стол, отметив, что ноги у нее для пятидесятилетней тетки идеальные.

Ладно, пока еще для *сорокадевятилетней* – не следует увеличивать собственный возраст без особой на то необходимости.

– Почему ты мне даже не позвонила? – закричал муж, как будто сын для него был светом в оконце, а не *этим уродом*.

Хотя понятно – речь шла вовсе не о похищении Женечки, а о том, что нанесен первый чувствительный удар. И именно это так завело Геныча – именно это, потому что задать ей элементарный в подобной ситуации вопрос о самочувствии сына он и недодумался.

Собственно *зачем?*

– Была занята, – ответила кратко Инна, совсем даже не дезинформируя супруга. Она в самом деле была занята.

А вот чем, знать Генычу было *вовсе не обязательно*. Да, впрочем, он и этим не интересовался.

– Занята! – фыркнул супруг. – А ты знаешь, *что* это означает?

Напрасно ждать вопроса о том, все ли в порядке с сыном.

Геныча сын не занимал. Не «*этот урод*». И не она – «*очередной унылый бабей*». А исключительно холдинг и собственные капиталы.

Как все просто в этом подлунном мире – и как все *противно*. Особенно если имеешь дело с Геннадием Эдуардовичем Фарафоновым.

– Занята, значит, что у меня не было времени на то, чтобы поставить тебя в известность, Геныч. Или ты в самом деле не знаешь значения слова «занята»?

Разумеется, он спросил у нее не это, но какая разница, что он *спросил* – все дело было в том, что она *хотела* ответить.

И *ответила*.

– Нинка! – судя по тону, муж вышел из себя и был в ярости. – Дурака-то ты из меня не строй! Я тебе не даун какой-нибудь...

Он даже не заметил, что сморозил глупую пошлость – или *пошлую глупость*. Поминая «дауна какого-нибудь», он – Инна могла дать руку на отсечение – о сыне не думал.

Потому что Геныч вообще *никогда* не думал о сыне.

Во всяком случае об *их* сыне. Ведь, не исключено, что у него скоро появится *параллельный*...

– Я имею в виду, Нинка, понимаешь ли ты, что эти немецкие черти перешли в наступление? Идет игра без правил! Игра и до этого была без правил, но они придерживались хотя бы каких-то приличий. А теперь прут напролом, как «Т-тридцать четыре»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.